

The background of the cover is a vibrant, fantastical illustration. A woman with long, flowing blonde hair stands in the center, wearing a dark blue cloak with gold trim and a sword at her waist. She holds a glowing blue gem. To her right, a majestic castle with multiple towers and flags sits atop a rocky cliff. A brilliant, swirling light trail, resembling a comet or magical energy, curves from the castle down towards the woman. In the distance, to the left, a purple sea serpent emerges from the water. The sky is a mix of purple, pink, and blue, with soft clouds. The entire cover is framed by ornate, golden vine-like decorations at the top and bottom.

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

18+

ЗАМОК НАД МОРЕМ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
ТРИЛОГИИ В ОДНОМ ТОМЕ

Право рода • Голос рода • Сила рода

Галина Дмитриевна Гончарова
Замок над морем
Серия «Ромфант. Хиты на полке»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74559891
Замок над морем. Трилогия: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-255131-4*

Аннотация

Волны перемешивают гальку, жизнь перемешивает людские судьбы. Воины и рабы, дети Ардена и слуги Ириона, все равны перед вечностью.

Казалось бы, все решено, расставлены фигуры и начата игра. Но богам вздумалось посмеяться и поселить чужую душу в тело одного из игроков. И что сделает Татьяна, женщина нашего мира, которую посмертная жизнь забросила аж в тело герцогини? Сбежит? Попытается просто жить своей жизнью? Или вступит в игру, приняв наследие и имя рода?

Ведь не просто так снится героине Замок над Морем?

Содержание

Голос рода	5
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	27
Глава 3	75
Глава 4	130
Глава 5	177
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Галина Гончарова

Замок над морем. Трилогия

© Гончарова Г. Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*** * ***

Голос рода

Пролог

Рассветное утро на море всегда красиво. Особенно если смотреть на восток.

Солнце словно восходит из моря. Сначала окрашивая его в нежный розоватый цвет, потом море алеет, по воде пробегает огненная дорожка – и, наконец, солнышко чуть лениво выныривает из-за горизонта самым краешком. Страхивает с лица капли морской воды и весело улыбается: «Ну, люди, что вы успели натворить без меня?»

Эта заводь устроена природой так, что любой, заходящий в море, глядит на восход. Маленькая, уютная, округлая, спрятанная, словно в ладонях, в острых выступах скал.

Море чуть слышно облизывает камушки. Если бы можно было разглядеть их – было бы видно, что они все одинакового голубоватого цвета. Словно море продолжается дальше, стараясь пометить свою землю.

Впрочем, сейчас в воде по пояс стоит девушка. Издалека – в белой ночной рубашке, с длинными светлыми волосами – она кажется просто размытым бледным пятном. Но если приглядеться вблизи, становится виден и упрямый подбородок, и широко раскрытые темные глаза, и плотно сжатые губы...

Ветер треплет длинные волосы, откидывает их назад, безжалостно хлещет ее мокрыми концами прядей, но она не об-

ращает ни на что внимания.

Она смотрит, пока на море не появляются первые проблески рассвета.

— Море, мать всего живого. Своей кровью, своей жизнью, своей душой. Другого способа отомстить за родных у меня нет. Пусть моя смерть откроет ворота тому, кто отомстит вместо меня.

Отдаю все.

Жизнь, душу, смерть, посмертие... кровью и властью рода Карнавон!

Вспыхивает на воде алая дорожка.

И в ответ на это девушка безжалостно полосует себя ножом по левому запястью, чудом не перехватывая сухожилие.

Алая кровь смешивается с алой водой. Девушка без звука уходит под воду.

* * *

Есть такое старое поверье.

Если ты готов отдать все ради своего желания, ты должен на рассвете прийти к морю, войти до пояса в воду – и попросить.

И если ты будешь признан достойным...

Впрочем, кто может в это верить? Только отчаявшиеся,

обезумевшие, те, у кого не осталось никакой надежды.

А может, должна быть еще и особая кровь...

Никто точно не знает. Говорят, эти сведения передаются из уст в уста, от отца к сыну в старых аристократических семьях.

Да сказки все это.

Простые сказки...

Глава 1

Таня шла домой.

На душе было... паршиво. Словно там порезвилась банда бешеных кошек, раздирая когтями все, до чего доберется, а самая жирная еще и от души нагадила напоследок.

Грустно и тошно.

Так вот тоже бывает. Тебе немного за сорок, семья... нет семьи. Мужа нет, мама и папа умерли, детей тоже нет.

Так бывает.

«Дорогая, я люблю тебя, и только тебя. Но если бы мы встретились раньше!.. Ты понимаешь, моя супруга...»

О да, все всё понимают. Эту песню поют молодым глупым любовницам женатые мужчины, начиная, наверное, с Адама. И девочки верят.

«Да, у меня ужасная жена, но она серьезно больна».

«Да, у меня ужасная жена, но я не могу ее бросить, пока не подрастут дети».

«Да, у меня ужасная жена, но...»

Вечное «но». А ты подожди, дорогая, пока тебе не исполнится сорок и ты никому не будешь нужна. А зачем тебе кто-то еще, когда в твоей жизни так хорошо устроился Я?

И что в итоге?

Ни семьи, ни детей, потому что чаще всего сопливую девчонку отправляют на аборт: «Дорогая, сейчас еще не время,

я хочу, чтобы наш малыш рос в полной семье». Одинокие вечера и праздники, звонки украдкой, ворованные минуты счастья, отпуска, в которых шифруешься, словно Штирлиц...

Что заставляет тебя идти на эти унижения? Терпеть, ждать, верить?!

И ведь в глубине души ты все понимаешь, вообще все, но разорвать порочный круг не хватает сил.

Таня и сама не знала, как она так вляпалась. Но вот ведь...

Сорок лет на носу, а Германа все нет и нет. Да лучше б его Пиковой Дамой убило! Миша, так зовут мужчину всей ее жизни, словно заядлый рыболов, чувствовал, когда надо ослабить, а когда потянуть, чтобы она не сорвалась с крючка. Таня и не срывалась, вопреки слезам родителей, уговорам сестры и обещаниям брата набить негодяю морду.

С другой стороны, Миша был и полезен. Поддержал ее семью, когда у отца обнаружили рак, решил проблему с операцией, пристроил в администрацию области самую Таню (а ты поди найди работу, будучи юристом, при перепроизводстве их в девяностые годы!), помог племяннице с поступлением...

Так что и ругательства поутихли. Таня смирилась со своим положением незамужней тетки, Миша по-прежнему приезжал к ней три раза в неделю...

Сорок лет. И двадцать из них – Миша.

Задумавшись, она ступила на пешеходный переход, не за-

мечая вывернувшей из-за туши автобуса иномарки. Только когда джип поддел массивным рылом тонкую фигурку, отбросив на несколько метров, пришло удивление.

Не боль, не осознание, просто удивление.

Неужели конец?!

Так странно...

Семейство Даверт

Тьер Луис Даверт прислушался. Ночь ухала филином. Три раза. Потом еще два и через несколько секунд пять раз.

– Готовность!

Он всей кожей ощутил, как по обе стороны от дороги напрыглись и замерли его люди.

Карета выехала из-за поворота...

По счастью медленно, иначе, наскочи лошади на заботливо уложенное поперек дороги бревно, благородные животные ноги бы переломали.

– Тпр-р-у-у-у! – рявкнул кучер.

Сидящим в засаде того и надо было.

Команда сработала слаженно и четко. Том и Галт повисли на упряжи у лошадей, стреноживая их и лишая возможности двинуться, Карс навел на кучера небольшой арбалет, а сам Луис небрежной походкой вышел на дорогу и распахнул дверцу кареты.

– Предстоящий Эльнор! Какая замечательная встреча!

Позвольте представиться, тьер Луис Даверт.

Судя по скрежету зубов предстоящего, имя было ему хорошо знакомо.

– Простите, что выбрал такой неудачный момент для нашего знакомства, – разливался соловьем Луис. – Возможно, мы продолжим его позднее, чтобы убедиться в благонадежности друг друга?

– Что вам угодно, Даверт? – процедил сидящий в карете человек.

Луис очаровательно улыбнулся.

– А что мне может быть нужно? Скажите, предстоящий, это ведь ваша дочь?

Сидящая в карете девушка побледнела, вцепившись в руку отца.

– Я всего лишь хочу пригласить ее погостить у моей матери. Ненадолго, до выборов Преотца. Потом же, когда правильный выбор будет сделан, – Луис чуть подчеркнул нужное слово, – я лично верну ее вам целой и невредимой.

– Вы негодай, Даверт.

– У меня хорошая наследственность, – отрезал Луис. – Тьерина, извольте выйти?

– Нет! – взвизгнули в карете. – НЕТ!!!

– Тьерина, либо вы выходите, либо мои люди проявят определенную невежливость, – продолжил уговоры Луис. – В свою очередь, гарантирую, если вы и ваш отец поведете себя правильно, с вами ничего не сделают.

– А если нет? – мрачно поинтересовался предстоящий Эльнор, отчетливо понимая, что их с дочерью жизни сейчас в руках этого мальчишки. Ирион его дернул поехать ночью! Но так хотелось приехать пораньше, переговорить еще кое с кем, выяснить настроение других предстоящих, может быть, намекнуть кому-то на выгоду...

Поехал... дурак старый.

– Тогда, может быть, я даже женюсь на вашей дочери. Потом, – непрозрачно намекнул Луис.

И хотя тьер был хорош собой, но и отца, и дочь равно передернуло при этих словах.

Тьер Луис молча ждал.

Минуту, две, потом, когда ему надоело, прищелкнул пальцами – и из темноты раздался ответный щелчок. С таким взводится тетива арбалета.

Предстоящий Эльнор прикусил губу.

– Тьер, дайте мне слово, что не причините вреда моей дочери.

– Мое слово, – согласился Луис. – После избрания Преотца ваша дочь вернется к вам целой и невредимой. Тому порукой слово Давертов.

– Мелания...

Девушка вздохнула, а потом вышла из кареты. Она была удивительно хороша в льющихся серебристых потоках лунного света. Золотистые волосы, громадные голубые глаза, точеная фигурка, подчеркнутая простеньким дорожным пла-

тьем, — и неприступное, высокомерное выражение лица.

— Я вынуждена воспользоваться вашим гостеприимством, тьер Даверт.

— И я признателен вам за это, — отозвался Луис. — Прошу вас, тьерина. Предстоящий, мои люди сейчас уберут дерево с дороги, чтобы вы могли беспрепятственно продолжать свой путь.

Предстоящий скрипнул зубами, но что тут скажешь?

Его дорога лежала в вечный город Тавальен, где вскоре должны были состояться выборы Преотца.

* * *

Тьерина Мелания стиснула руки под плащом.

Пальцы дрожали.

Даверты...

Семья подонков, негодяев, подлецов... сброд, а не люди! Отец всегда так говорил! Но теперь она в полной власти одного из них.

Луис Даверт провел ее короткой дорогой через лес, к просеке, где ждали его люди с лошадьми. Ее, невзирая на протесты, усадили в мужское седло, так, что юбка задралась выше колен, показывая сапожки и стройные коленки в белых чулочках. Один из его зверообразных подручных привязал поводья ее коня к луке своего седла, а дальше была быстрая ночная скачка.

Тьерина неплохо держалась в седле, но из дамского она бы точно выпала. Только вот и бешеный конский бег не извлек ее от тяжелых раздумий.

Путь окончился у маленького охотничьего домика, почти крестьянского. Правда, у крестьянских домиков не бывает настолько выглаженных досок, украшенных искусной резьбой, да и внутри дом был далеко не крестьянским. Камин, громадная кровать, стол и пара кресел. И все. Ясно, для чего его строили. Гнездышко для любовных утех.

Неужели...

– Вы дали слово, Даверт!

Голос, как она ни старалась, сорвался, чуть дрогнул.

– И я не дотронусь до вас и пальцем. – Луис прекрасно понимал, о чем думает девушка. Но не в городской же дом ее везти? – Даже и не мечтайте. Поживете здесь, пока не выберут Преотца, а потом пожалуйста к папаше на руки и обратно домой.

Луис сильно подозревал, что предстоящий Эльнор потом не доедет до дома, но это уж как отец распорядится.

Тьерина вспыхнула, когда смысл его слов дошел до девушки. И долго же он шел! Не всегда красоте сопутствует острый ум.

– Вы мерзавец, Даверт! И я искренне надеюсь, что...

– Можете и не надеяться. Я в вас не влюблен, – отрезал Луис. – Учтите, я оставляю охрану. Если попытаетесь сбежать, я снимаю с себя всякую ответственность за их дей-

ствия. Вы девушка красивая, а они люди простые, темные...

Мелания побледнела.

– Арден покарает вас за это!

– Когда у него дойдут до меня руки, я уже буду в гостях у Ириона, – ухмыльнулся Луис. – Счастливо оставаться.

Развернулся и вышел вон, оставив девушку кусать губы.

Мерзавец, подонок, негодяй!!!

Да как он только посмел намекнуть?!

За дверью, там, где тьерина не могла его видеть, Луис тут же стер с губ глумливую усмешку и подозвал к себе старшего.

– Десятник! Дим!

Мужчина сделал несколько шагов к молодому тьеру. Не поклонился, да Луис и не требовал. Дим когда-то его мечом владеть учил, какие тут могут быть церемонии?

– Стеречь, как свою дочь. Если кто ее хоть пальцем тронет – отрезать буду сам. И не пальцы даже, и не в один прием, поняли?

Дим кивнул.

– Попугать можно?

– В меру. Чтобы от страха не описалась и в бега не сорвалась. Поняли? Она мне нужна живой и невредимой.

– Да, тьер.

Луис хлопнул старого вояку по плечу, развернулся и вскочил в седло.

Ему нужно было обратно, в Тавальен. Завтра будет тяже-

лый день. Поспать бы хоть часок, что ли?

Ирионопоклонники, той же ночью

– И восстанет Ирион,
И наш мир поглотит он.
Чешуя его блеснет,
Он родит водоворот...

Голоса сплетались в хор.

Красивый, даже восхитительный. Таким многоголосием не побрезговал бы и Морской Король.

Но был и один участник, который не мог оценить красоту песнопений. А именно жертва.

Сейчас она лежала на алтаре.

Совсем юная девушка, голубые глаза которой были полны слез. Она не кричала, снадобье делало свое дело. Собравшиеся не хотели раньше времени нарушить ритуал криками жертвы или ее преждевременной смертью от болевого шока...

Сейчас она почти ничего не чувствовала.

Верховный жрец посмотрел на нее, коснулся бьющейся жилки на шее.

Да, уже скоро.

Восемь человек, положенных по ритуалу, уже овладели

ею, сейчас свою работу заканчивал девятый. Потом можно будет продолжать...

Крест был готов, готовы были и ядовитые змеи...

Этой ночью Ирион получит еще одну жертву.

Род Ольрат

Массимо Ольрат посмотрел в окно.

Занимался рассвет.

И где эта соплюшка?!

Ругался он не то чтобы зло, не слепой же! Давно видел, что у племяшки что-то сладилось с молодым Шернатом, могли сегодня и до сеновала дойти, дело-то житейское... Но ведь все равно душа не на месте.

Ладно.

Подождем еще чуть-чуть, а потом зайдем к соседям... или сейчас сходить?

А, ладно! Сколько можно?

Спустя десять минут его уже лихорадило. Роман Шернат был дома. А вот Мариль...

Они вчера расстались чуть ли не у калитки. Он проводил девушку, Массимо тогда еще был в лавке, Роман думал, что Мари дома. А ее нет?!

А где она?!

Массимо тоже хотел бы это знать. Они с Романом переглянулись – и разбежались в разные стороны. Искать, выпра-

шивать...

Улицы, дома, люди... вы не видели светловолосую девушку? Красное платье, белый передник?

Нет?

Жаль, очень жаль. Вы не видели?..

Так, в своих расспросах, Массимо добрался до рыночной площади. По раннему времени там бывало совсем немного народа, но не сегодня. Нет, не сегодня...

Люди стояли толпой, плечом к плечу, и смотрели на что-то... там? Впереди?

На что?

Что толкнуло Массимо в спину? Что заставило его пробиваться вперед, расталкивая зевак локтями? Он и сам бы не ответил.

– Уведите парня, рехнется!

– Самогона ему налейте!

– Куда стража смотрит?!

Сердце Массимо недобро сжималось от каждой фразы, но он упорно шел вперед. Толкался, получал в ответ тычки и пинки, но продвигался к центру площади, словно его чья-то воля гнала.

Он и не осознавал ничего, пока не увидел это.

Тонкое тело в алом платье. И кровь.

Черная на алом...

Мариль лежала на серой брусчатке. Светлые волосы тоже слиплись от крови, в глазах отражалось небо, руки еще хра-

нили следы гвоздей, а распоротый живот явственно указывал на причину смерти. Рядом с телом любимой на коленях рыдал Роман.

А потом Массимо услышал чей-то вой и только через пять минут осознал, что этот звук вырывается из его груди. Столько в нем было боли...

ЗА ЧТО?!

Семейство Даверт

Тьер Луис Даверт поправил волосы, еще раз погляделся в зеркало. Из позолоченной рамы на него надменно взирал красавец двадцати семи лет от роду в бархатном берете. Черные волосы локонами падают на широкие плечи, идеально овальное лицо окаймлено короткой шелковистой бородкой, под черными усами белеют ровные зубы, высокий лоб и тонкий прямой нос идеально дополняют картину. Все портят только глаза.

Карим глазам сложно быть холодными, особенно если они имеют цвет горького шоколада. Луису это удалось.

Шоколад его глаз был давно и надежно затянут льдом.

Стуча каблучками, в комнату вошла мать.

– Ты готов, сынок? Отец не любит ждать.

Луис еще раз скользнул глазами по зазеркальному красавцу. Поправил небрежную складку мантии, улыбнулся...

– Да, мама.

Единственное живое существо, к которому он до сих пор питал приязнь. Его мать, тьерина Вальера Тессани.

Луис придержал перед ней дверь, галантно предложил руку и проследовал вместе с матерью вниз, в большой зал, перед светлые очи своего отца.

Тьер Эттан Даверт. Точнее, сейчас предстоящий Эттан Даверт.

Луис склонился в почтительном поклоне, поцеловал протянутую ему руку с сапфировым перстнем, коснулся губами камня цвета моря – и выпрямился.

– Отец...

Шоколадные глаза встретились с такими же, но чуть светлее. В глазах Эттана плясали золотые тигриные искры.

– Ты готов, мальчик мой?

– Да, отец.

– Сегодня наш день.

Глаза мужчины горели веселой радостью, только вот Луис не обманывался. Это была радость хищного зверя, который чует кровь. Много крови.

Если сегодня все пройдет как надо, Совет Предстоящих выберет Эттана Преотцом. Это важно для всей семьи. Для матери, для Луиса, для братьев, для сестры – они смогут получить намного больше, чем будучи просто детьми служителя или возносящего. Даже сан предстоящего ничто перед властью Преотца. Под его рукой будет весь Храм Ардена. Но для этого необходимо, чтобы избрали именно Эттана Давер-

та.

Как проходит Избрание?

Должны собраться сорок предстоящих и принять решение. Тридцать голосов за, десять против – и Преотцом изберут кого-то еще. А значит, необходимо обеспечить решительное большинство. Каждый добивается этого по-своему.

Кто-то трясет мошной, кто-то угрожает силой, кто-то...

Много есть возможностей, хотя на люди они и не выносятся. Совет Предстоящих избрал.

Точка.

Еще не хватало тупому быдлу судить о путях власть имущих!

Луис все знал о подводных течениях в Совете. Он знал каждого предстоящего на всем Треугольнике¹, знал, чем они дышат, с кем спят, на что особенно падки, знал, чем можно пригрозить, а чем прельстить, знал чуть ли не о каждом их вздохе. Так распорядился его отец – этого достаточно.

А еще...

Всего предстоящих – семьдесят человек. Если отец станет во главе Совета, его младший сын Родригу сможет стать предстоящим Тавальена, и не важно, что ему всего двадцать четыре недавно сравнялось, сам Луис будет воевать, а Эрико, средний из сыновей Даверта, встанет во главе купеческой гильдии. У отца найдутся средства, чтобы обеспечить им эти посты.

¹ Треугольник – общее название трех материков мира Рамтерейи. (Прим. авт.)

Но только в случае победы. А поражение...

Поражение принесет им смерть. И матери, и Лусии...

– Отец!

– Дочь моя?

Сказано было с легким неудовольствием. Эттан считал, что дочь должна знать свое место – сейчас на женской половине дома, а потом в постели того, за кого он отдаст Лусию замуж. Разумеется, для укрепления своей власти. А зачем иначе нужны дочери?

Хотя Лу выросла красавицей. Ей всего восемнадцать лет, но у нее уже громадные черные глаза, гладкие черные волосы и мраморная кожа, как у матери. И начинает оформляться фигура...

Матери будет далеко до нее, а ведь Вальера Тессани была известна как первая красавица Тавальена. Ей было всего пятнадцать, когда ее семья разорилась из-за неудачных торговых сделок отца. У девочки оставалось два выхода – либо срочно выйти замуж хоть за кого-то, либо продать свою молодость и красоту по самой высшей ставке. Что она и сделала.

И не прогадала.

Вальера была красива, умна, она получила хорошее образование, в ее жилах текла благородная кровь – такие товары нечасто выставляются на продажу. И вскоре о ней заговорил весь Тавальен.

Ухаживал за ней и молодой тогда Эттан Даверт. Ухажи-

вал, будучи уже возносящим.

Всей истории Луис не знал, но Вальера сделала правильный выбор. Иначе его и на свете не было бы.

– Батюшка, я хотела поцеловать вас перед уходом.

Эттан протянул дочери руку. Лусия склонилась в легком реверансе, целуя пастырское кольцо, выпрямилась, посмотрела на отца.

– Я буду молиться за вас.

– Молись, дочь моя.

Эттан собственническим жестом потрепал дочь по щеке. Блеснули кольца на тонких пальцах. Лусия вздрогнула...

Ее еще не сломали. Но дочь не так важна для предстоящего. А когда понадобится...

Луис отогнал неприятные мысли. Все равно он ничего не сможет сделать.

Глава 2

Род Карнавон

Вначале было темно и страшно. А еще больно. Тело словно чужое, Таня попыталась пошевелиться – и не смогла. Разве что приоткрыла глаза...

По счастью, работали уши – и улавливали обрывки фраз.

– На заре... на берегу...

– Едва не умерла...

– Тьер Таламир будет недоволен...

Таня слышала, но всерьез эти слова не воспринимала. Так, сотрясения воздуха.

Ей было плохо, тошно, больно...

Кажется, кто-то переворачивал ее тело, кто-то обмывал, менял простыни... кажется. Пока она ничего не знала. Она спала и видела сны. Красивые сны.

Тело реципиента приняло новую душу, расплачиваясь за это с лихвой.

Жар, боль, тошнота – спасибо еще не померла, а могла бы. Хотя...

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет, и полы в храме попортит. Молитва – это хорошо, но купание в морской водичке, по весне, с большой кровопотерей, да еще

надолго, да под холодным ветром...

Одним словом, Алаис Карнавон свалила элементарная пневмония. Но в мире, где не знали антибиотиков, легче от этого знания Тане не было. Ее просто трясло в лихорадке.

Тело реципиента адаптировалось, адаптировался и разум. Есть теория, что наш мозг сохраняет все воспоминания прошедшей жизни, просто надо уметь их извлекать оттуда. Таня могла бы поклясться теперь, что это правда, потому что перед ней разворачивались картины жизни Алаис Карнавон. И была эта жизнь откровенно несчастливой.

Золушка?

Нет, не совсем то слово и не совсем тот человек. Хотя Алаис лучше бы золу выгребала.

Первое воспоминание, которое увидела Таня, – о семье Карнавон.

Старый герцог Эррен, действительно старый, поздно женившийся на очаровательной тьерине Катилине Эмеро. К рождению Алаис ему исполнилось уже пятьдесят лет, но годы не согнули его. Только добавили седины, которая превратила некогда русые волосы в платиновые.

«Люциус Малфой, шестидесятилетний вариант», – отмечает для себя Таня. И верно – хорош! Даже в этом возрасте невероятно хорош. Четкие черты лица, высокий лоб. Породистый нос с горбинкой, крупные, недовольно поджатые губы, тонкие пальцы истинного аристократа... и плоть, с которой он не расстается. Знак герцогского достоинства, но в то

же время и оружие. Девочка знала, как болезненны ее удары, и даже во сне Таня чувствовала ее отчаяние.

Мать – Катилина Карнавон, очаровательная блондинка лет сорока. Хорошенькая настолько, что в юности наверняка была ослепительна. Ясно, на что повелся отец.

Два старших брата – Филон и Эштон – удачный симбиоз отца и матери, его черты лица при ее окраске волос и глаз. Гроза женских сердец всей округи.

Старшая сестра – Алита. Копия матери в юности, нежно любимая всей семьей.

И Алаис.

Вечный гадкий утенок. Даже хуже того – альбинос.

Ну да. Не слишком красиво. Белые волосы. Белые брови и ресницы, кожа, лишенная пигмента и мгновенно обгорающая на солнце, глаза, цвет которых варьируется от красного до фиолетового.

Увидишь в полумраке, так и молитвенником запустишь. Подумаешь: нечисть на охоту вышла.

По счастью, отец не усомнился в своем авторстве, а то могло бы быть что угодно, вплоть до полета младенца с замковой башни в море. Да, бывало и такое, иногда только с ребенком, а иногда и с неверной женой. Официальная версия – несчастный случай. О двух таких Алаис знала из летописей рода Карнавон.

Алаис оказалась младшим и неудачным ребенком в семье. Иногда таким везет, и их любят и балуют. Иногда. К Алаис

это не относилось. Ее воспринимали настороженно, словно опасного грызуна: то ли больного бешенством, то ли просто ядовитого.

Во сне Таня видела окружающий мир ярко и четко, как никогда не бывало ранее.

Вот замок. Высокий, величественный, из массивного серого камня, крытый алой черепицей. Ее комната – простенькая по меркам герцога и Алаис, но роскошная, с точки зрения самой Тани. Одна комната ненамного меньше, чем вся ее квартира. Громадная кровать под балдахином, туалетный столик, шкаф с одеждой, ковер на полу и кресло.

Нищета?

Ну да.

Нет ни гардеробной, ни комнатки для прислуги, чтобы спала ночью рядом. Окно забрано самыми простыми стеклами в тяжелой свинцовой раме, не цветными, без узора, шторы старые, ткань, которой обтянуты стены, выгорела и высолилась от времени. Именно высолилась – неподалеку от замка шумит море. И влажный воздух оставляет на губах нотку соли...

Для сравнения Алаис вспоминает комнату старшей сестры. Вот это настоящие покои: гостиная, спальня, гардеробная. У Алиты есть и личная служанка, которая ночует в отведенной ей комнатушке, и даже личный грум. У Алаис – никого и ничего.

Раньше была, но потом девочка лишилась и ее.

Кузина Ланисия.

Единственный человек, который любил и ценил маленькую Алаис, разговаривал с ней, научил читать и писать. Но прилюдно выражать свои чувства кузина не смела, иначе ей сильно досталось бы. Да и отношение к ней, как к служанке.

А еще есть море.

Море...

Оно ласковое, живое, оно ластится к пальцам – и Таня готова часами сидеть на его берегу, как и в родном мире. Кажется, ей было не больше трех лет, когда она впервые сбежала из-под надзора служанок и добралась до берега моря. Сидела, пересыпала песок с руки на руку, купаться почему-то не пробовала, просто гладила ладошками воду. Хорошо помнится лицо нашедшей ее служанки – бледное, растерянное, испуганное, облегчение, вспыхнувшее в темных глазах, а потом страх.

Но почему?

Сейчас, взрослым разумом, Таня не может понять его причину.

Наказание?

Вполне возможно. Но Тане почему-то казалось, что боялись малышку. Почему?

Загадка...

Вспыхивает следующая картинка.

Алаис всего пять лет. И она притаскивает в замок ужака. Змееныш запутался в зарослях колючего кустарника и силь-

но поранился. Девочка, как могла, промыла ранки, накормила молоком...²

Кто донес?

Служанка? Да, наверное. Уже другое лицо, но Алаис все равно неприятно его видеть. Поджатые узкие губы, нахмуренные брови, гримаса вечного неодобрения на простоватом лице, колючие темные глаза – для этой женщины она уродина. Выродок в герцогской семье.

Визит отца заканчивается выброшенным в окно змеенышем и ударом плети по спине ребенка. Алаис помнит эту боль. И помнит свое отчаяние.

Ей ведь так мало было нужно!

Ну хоть бы одно существо рядом, которое не питает к ней отвращения!

Удар обжигает плечи, и девчонка невольно заходится в крике.

Больно! БОЛЬНО!!!

Болит не столько рубец от удара, сколько душа ребенка. Отверженного своей семьей, нелюбимого... дети не всегда могут сказать, но чувствуют они все.

Герцог замахивается еще раз, но ударить не успевает. Таня помнит, как Алаис кричит, умоляя не выкидывать змейку, и как в ответ на ее крик боли неподалеку от замка в берег

² Вообще змеи молоко не едят, но если нет выбора, то могут попробовать и даже не помрут. Существовало поверье, что ужи присасываются к коровьему вымени и сосут молоко, полагаю, Алаис могла его знать. (Прим. авт.)

ударяет молния.

И разражается гроза.

Понятно, что это совпадение, но кто б объяснил такие вещи суеверным людям.

Шторм, молнии, ветер со шквалом...

Алаис заходится от плача – и еще сильнее разыгрывается за окнами природа.

Конечно, совпадение, но вот о чем думает в тот момент ее отец?

Таня видит картину со стороны и видит страх на лице мужчины. Словно произошло что-то неожиданное, он не знает, как на это реагировать, а потому Алаис просто оставляют в покое.

Служанку, кстати, заменяют через пару дней. Эта оскользнулась на ступеньках, мокрых после вчерашней грозы, да так неудачно, что сломала ногу. Бывает...

Для Тани это простое совпадение, но хотелось бы ей знать, как происшествие истолковали обитатели замка?

Девочку оставляют в покое. Ее лишний раз не трогают, не замечают, не...

Она призрак в собственной семье. Тень, которую стараются не видеть в упор. И это больно.

Неизвестно, что стало бы с Алаис Карнавон в таком окружении, что бы из нее получилось. Заносчивое маленькое чудовище?

Истеричная, измотанная безответной любовью и жаждой

любви неграмотная страшилка?

Таня могла набросать еще с десятков вариантов, но ей повезло. В замок привезли кузину Ланисию.

Картинка в мозгу сменяется новой.

Ланисия. Темные волосы, крупными кудрями лежащие на плечи, зеленоватые умные глаза, добрая улыбка, вздернутый нос и пухленькая фигурка. Дочь двоюродной сестры герцога, весьма дальнее родство, но все же не позволяющее прогнать сироту, чьи родители умерли от лихорадки. Да и кое-какие деньги у малышки водились.

Достаточно, чтобы ее взяли замуж.

Ланисия оказалась старше на восемь лет. Малышке Алаис пять, Ланисии – тринадцать. Самый тот возраст, когда пора влюбляться, и Ланисия делает худшее, что только можно.

Влюбляется в старшего брата Алаис.

Естественно, безмолвно и безответно. Ума у нее хватает понять, что рассчитывать не на что, разве что на конюшне поваляться, но это уничтожит все ее надежды на брак, да и вообще, после такого позора одна дорога – в монастырь. К сожалению, Алита замечает чувства Ланисии, и принимается издеваться над девочкой. Дразнит ее, насмешничает, выставляет дурочкой перед предметом обожания... Однажды Алаис находит кузину плачущей и принимается утешать. По-детски, нелепо, наивно, но для Ланисии и это оказывается спасением, и две девочки вцепляются друг в друга.

Ланисии позарез нужен хоть кто-то близкий рядом, а Ала-

ис нужна хотя бы чья-то любовь. К тому же, что немаловажно, рядом с Алаис к Ланисии никто не цепляется.

А чем можно заниматься рядом с маленьким ребенком? Учить его.

Читать, писать, считать... Шить, вышивать, играть на музыкальных инструментах – краткий курс обучения благородной девицы. Даже танцевать и строить глазки. Алаис оказывается благодарной ученицей, герцог тоже смотрит на их занятия благосклонно. После того случая с плетью Алаис стараются не трогать, видимо, и к учителям это относится. А Ланисия чужая, случись с ней что, так не жалко...

И Алаис влюбляется в книги. Когда у тебя нет рядом близких людей, чтение – неплохая замена. Или когда они – твои близкие, да ты-то для них дальняя. Особенно сильно любовь к книгам проявляется через четыре года, когда Ланисии подбирают подходящую партию и выдают замуж. Кузина уезжает, а Алаис принимается проводить все свободное время в библиотеке рода Карнавон, благо библиотека богатейшая по любым меркам.

Легенды, предания, дневники герцогов, рукописи служителей, истории святых – и любовные романы, священные книги – и откровенные ереси, Карнавоны собирали все. И собрание попало в цепкие лапки Алаис.

А что еще делать, если ты никому не нужна?

Только читать...

В том числе и об устройстве мира.

И вот тут Тане становится страшновато.

Мир, в который она попала, называется Рамтерейя. Три материка, острова, море...

С точки зрения Алаис, ничего странного. А вот для Тани...

Три материка – Лиарда, Адрея, Дармен, расположенные треугольником, примерно одинакового размера. Но местные жители не видели ничего странного в материках, которые словно кто-то ровно положил на море.

А вот Таня видела.

Три материка образовали здоровущий треугольник, в центре которого находился небольшой остров, носящий название Королевского. Неподалеку от него находился архипелаг из нескольких десятков островов (коралловых?), носящий название Маритани. Причем материки были достаточно крупными, а проливы между ними больше всего напоминали Ла-Манш. При хорошей погоде они даже вплавь форсировались. Правда, дураков не было.

Водовороты.

Бичом здешних вод стали водовороты, которые возникали с совершенно неясной периодичностью. Корабль мог проскочить мимо, мог попасть в воронку, мог почти разбиться, но в последний момент выскочить...

Чем это обусловлено? В мире Рамтерейи хватало краткого «воля Ардена». Тане не хватало, но кто б ей что объяснил?

Насколько вероятно такое расположение с точки зрения

географа? Геолога? Литолога?

Да пес их знает!

Сама Таня могла припомнить только названия профессий, но соответствующими знаниями она не обладала. Не учат юристов ни геологии, ни океанографии, ни...

Собственно, ничему полезному в данном случае их просто не учат. Римское право – это хорошо, но откровенно маловато. Спасибо еще познавательным программам и каналам, а то бы вообще ничего не знала.

Планета делилась на Полуденное и Полуночное полушария. Или – если по божественным названиям – полушарие Ардена и полушарие Мелионы. Бог и богиня. День и ночь. Мужчина и женщина.

Впрочем, место мирового зла женщине не доверили.

Сквозь сон Таня улыбалась, думая о местной религии.

Когда восемьдесят процентов планеты занимает море, поневоле начинаешь его обожествлять. И местные создали красивую легенду.

Первых людей боги творили из морской пены. И были они белы и голубоглазы, ибо в ту пору боги не знали иных красок.

Их было шесть Великих домов. Пять герцогских родов – и один над ними. Королевский род.

Сначала все было хорошо, и между богами царило согласие. Арден творил мужчин, Мелиона – женщин. Арден правил, Мелиона подчинялась, но потом всю малину испортил Мировой Змей с красивым именем Ирион. М-да, кругом га-

ды. Судьба, видимо.

По легенде, он выполз со дна океана и принялся искушать Мелиону. Мол, почему твои создания обязаны подчиняться созданиям Ардена? Они ведь не хуже, а даже интереснее, лучше, красивее... И Мелиона дрогнула.

Она решила восстать против Ардена и принялась подбивать женщин на бунт.

До сих пор существует Рандея – государство свободных амазонок, где мужчины носят платья и подчиняются женщинам, и остальные правители не могут ничего с ним сделать. Воительницы Рандеи сильны и опасны.

Увидев такое дело, Арден огневался на супругу и прогнал ее с глаз долой – в Полуночное полушарие планеты. И чтобы жена не вздумала там наводить свои порядки, уничтожил в том полушарии всякую жизнь.

Досталось и Ириону.

Разгневанный Арден низверг его на самое дно моря, и чтобы наглый змей не выполз и еще чего-нибудь не навнушал супруге, придавил мерзавца Великим Водоворотом. А то, что параллельно погиб еще один материк, его не остановило: лес рубят – щепки летят.

Таня улыбалась легенде, думая, что и тут почти библейский змей-искуситель, а разум потихоньку обрабатывал и усваивал информацию.

Пять Великих домов.

И двенадцать государств.

Когда-то королевство было одно, но с тех пор утекло много воды. Умер последний Король, не оставив наследника. Передрались между собой Великие дома, поделив материки на части. Вроде бы на каждой материке тогда было по два королевства, но потом и те распались, поскольку быть при короле и быть королем – суть две большие разницы, как говорят не в этом мире.

Исключение составил род Карнаван.

Просиживая дни и ночи в библиотеке, девочка неплохо узнала историю родного мира. Более того, нашла дневники прапрапрапрадеда и поняла, что тихо и мирно Карнаваны сидели не от большой порядочности. Род Карнаван власть любил не меньше, чем все остальные роды, но...

Карнаваны были хранителями чего-то очень важного, доверенного последним королем.

Чего?

Вот об этом прадед писал более чем размыто.

В полудреме перед глазами Тани плыли строки:

«Его величество, – писал прадед, – позвал меня в ту ночь к себе. В последнюю ночь великого Короля. Короля по крови и роду».

И строчки размывались, и виделись покои старого замка, драпированные белым и голубым – королевские цвета, цвета морской пены.

И ее прадед.

Высокий, еще не старый мужчина стоит на коленях перед

обширной кроватью под роскошным балдахином. В кружеве подушек утопает белое, почти бескровное лицо, которое сейчас само напоминает герб Королей.

Белая мертвая кожа, сухие синие губы... и глаза.

Глядя в эти глаза, веришь, что в Королевском роду есть кровь бога. Или кровь моря.

Синие.

Пронзительно-синие, изменчивые, восхитительные, меняющие цвет, словно море – ежесекундно, играющие всеми оттенками, от бирюзы до зелени.

Красиво ли это?

Нет.

Красота – это нечто иное, это более... человеческое. А здесь настолько живые глаза на мертвом лице производят откровенно устрашающее впечатление. Создается впечатление, что именно они выпивают всю жизнь из окружающего мира. Словно Великий Водоворот, втягивают в себя все окружающее. Свет, внимание, саму душу...

Страшно...

Но прадед молча стоит на коленях.

Король стар, у него нет наследника, что начнется после его кончины?

– Я умру на рассвете.

– Эрт³, вы проживете еще долго...

³ Эрт – местная форма обращения к королю, только чуть более вольная, своего рода аналог слова «сир». (Прим. авт.)

– Не трать мое время на придворные глупости. Слушай.

– Да, мой Эрт.

– После моей смерти начнется война. Я знаю. Тимар силен и видит себя на престоле. Атрей породнился с Дионом и также мечтает о власти для своего сына. Лаис, Карст и ты – вы пока держите нейтралитет. Но я выбрал именно тебя.

– Это честь для меня, мой Эрт.

– Несомненно. Ты тоже властолюбив, но для тебя главное – сберечь твой род. Лаис слишком любит золото, Карст – войну. Они сорвутся, а у тебя есть еще шанс устоять.

Глава Дома Карнавон молчит. А что тут можно сказать? Старость не всегда означает мудрость, но Король... он не просто носит этот титул, он реально правит.

– У меня есть сын... и есть дочь.

– Мой Эрт?!

Такое известие повергает герцога в шок. Еще бы!

Считалось, что король бездетен, его супруга умерла лет двадцать назад, дети тоже умирали, не оставив потомства... несчастные случаи?

Да уж точно не счастливые...

Старший сын утонул, младший был отравлен, одна из дочерей родилась безумной, вторая была убита мужем в момент измены, третья просто пропала невесть куда, не оставив ничего, кроме одежды на берегу моря...

– Они рождены вне брака. Но в них течет королевская кровь. И однажды они придут.

– Мой Эрт?

– Кто-то из моих потомков рано или поздно потребует свое наследие. Именно его будет хранить твой род. Но остерегайся. Если эта вещь попадет не в те руки – на месте нашей земли возникнет второй Великий Водоворот, и спасения не будет нигде.

Герцог кивает и наклоняется совсем близко к губам короля.

Он слушает.

Этой ночью, пока все будут делить власть короля, он уедет из дворца.

И следующие триста лет Карнавоны будут скромно сидеть в своем замке.

Не лезть в политику. Не интриговать.

Жить тихо и чего-то ждать.

До недавнего времени.

* * *

Девушка подглядывает. Это самый лучший способ узнать о намерениях отца, о его настроении – и спрятаться, если понадобится.

Альбинизм не повлиял на умственные способности, и девушка – сейчас Таня понимала, что думает о ней, как об Алаис Карнавон, – была умнее многих сверстников. Именно потому, что не могла с ними общаться.

Друзьями малышки были книги. Они же – спутниками и собеседниками. В четыре года Алаис начала учиться, к восьми годам вполне освоилась в библиотеке, изучая книги об устройстве мира. В двенадцать лет их сменили романы и пришла первая любовь.

Как водится, болезненная и неприятная.

Ее старшей сестре как раз исполнялось четырнадцать, самое время заключать помолвку. Но не абы за кого ведь выдавать юную тьерину? Тем более такую очаровательную?

Его звали Маркус Эфрон. Тьер Эфрон, старший сын графа, красавец, умница, друг наследника рода Карнавон...

Алаис помнила, как стояла на крыльце вместе со всей семьей (мало ли кто кому не нравится, обычай есть обычай) и как к крыльцу подъехала карета, из которой вышел ОН.

Высокий, темноволосый, с теплыми карими глазами и аристократически бледной кожей, с очаровательной улыбкой и атлетической фигурой.

Алита была покорена с первого взгляда.

Алаис тоже, только никто этого не понял.

А через шесть дней любовного угара, когда она успела уже и всласть наплакаться в укромных уголках замка, и написать объекту своей любви несколько десятков страстных писем (сожжены в камине во избежание), и даже представить себе, как Алита отвергает влюбленного юношу, а тот с горя женится на Алаис, ну и потом, естественно, влюбляется в нее, оценив добрую душу, почти как в романах, девочка услышала

разговор между Маркусом и своим старшим братом.

Даже сейчас, сквозь сон, Таня чувствует, как больно было маленькой дурочке, польстившейся на красивую упаковку.

– Алита просто прелесть.

– Да уж. Сестренка у меня удалась.

– Одна из. А со второй что?

– А кто ее знает? Выродок какой-то. Мать отцу вроде и не изменяла, а народилось же такое...

– Да уж. С таким я бы точно в одну постель не лег. Вытошнило бы раньше...

Пьяные нотки прослеживаются вполне отчетливо, но Алаис это не утешает. Что у трезвого на уме...

Сверкающий замок мечты рушится в один миг, и вновь у девочки остаются только книги. А помолвку ее сестры и тьера Эфрона таки заключают.

Алаис же...

Пережила. Переплакала в подушку, понимая, что ей никогда не любить и не быть любимой – взаимно. Герцогская дочь, да еще уродина...

Ничего.

Когда у тебя нет ничего, у тебя все равно есть твой долг. И есть честь. Остальное же... не важно.

Таня грустно улыбалась во сне.

Маленькая девочка, нелюбимая девочка, она так и не поняла, что главное у нее уже было. Она была жива и здорова, как и ее родные, у нее была крыша над головой и люби-

мое дело – чтение книг, а со временем появилось бы и что-то еще.

Этого мало для счастья?

Вам требуются мексиканские страсти? Поверьте, они хороши только в сериалах. А в жизни...

В восемнадцать лет Алаис прочитала большую часть фамильной библиотеки, особое внимание уделяя дневникам предков.

А потом пришло чудовище. Существо, разрушившее уютный, но безопасный мир Карнавона.

Алаис подглядывала, как обычно. И...

– Карнавон.

– Таламир.

Взгляды мужчин скрещиваются над столом. Будь они из стали – звона было бы...

– Что привело вас в мой дом?

Герцог смотрит холодно и неприязненно. Для него Ант Таламир – выскочка. Парвеню, если бы тут знали это слово. Хотя собой он весьма хорош, равнодушно отмечает Алаис.

Темные волосы кудрями ложатся на плечи, большие карие глаза смотрят даже немного наивно, длинные ресницы, твердый подбородок... все портят губы.

«Слишком полные, слишком красные, словно у напившегося крови упыря. Но женщинам должно нравиться», – думает Алаис.

Почти равнодушно.

В глубине разума – от себя, а теперь и от Тани этого не скроешь – тлеет огонек интереса. Все-таки молодая здоровая девушка... «А если он бы меня поцеловал? Каково это – быть рядом с таким мужчиной?»

Впрочем, холодный рассудок тут же обрывает все мечты.

Бледная моль – и этот самец? И ведь знает, как хорош, поигрывает мускулами, сейчас уже мимоходом...

Ант Таламир.

Сын конюха, в юности попал ко двору и заинтересовал стареющую королеву своими недюжинными мужскими достоинствами. Но красивых мальчиков много, а умных мало. Таких, чтобы были и умными, и успешными, и одаренными, а Таламир оказался неожиданно талантливым полководцем, – вообще единицы. Ее величество поняла, что в руки попался бриллиант, и начала очищать его от корки грязи. Сделала тьером, даровала поместье, поставила во главе полка...

Последние семь лет он успешно выжигает всех, кто неугоден королеве. И таких становится все больше. Лидии не хватает денег на развлечения, любовников, наряды, не хватает власти, она боится будущего и стремится взять все возможное от настоящего. А у Карнавонов есть что взять.

– Вы знаете, что мне нужно, тьер.

– Отнюдь.

– Последний Король отдал вашему предку на сохранение что?

Герцог пожимает плечами.

– Не знаю. Никто не знает.

– Лжете, тьер.

– Нет.

Ант подается вперед, лицо его искажает такое выражение... Алаис становится страшно.

– Вы лжете, герцог, – он почти шипит, словно гадюка. – Но у вас еще есть время. Завтра мое войско будет под стенами вашего замка. И если вы мне это не отдадите...

Герцог пожимает плечами.

– Я не могу вам ничего отдать. Я не знаю, что именно его величество оставил моему предку – если оставил.

Таламир поднимается. Смотрит холодными змеиными глазами.

– Вы пожалеете о ваших словах.

Герцог пожимает плечами.

– Всего наилучшего, любезнейший.

Никакого обращения. Так он мог бы сказать кучеру или лакею. И Таламир понимает это. Лицо мужчины бледнеет.

– Вы поплатитесь за это.

Эррен Карнавон провожает его взглядом. При этом он выглядит образцом невозмутимости, безмятежности, равнодушия – здесь и сейчас у него нет проблем.

Все меняется, как только Таламир уезжает. Герцог собирает родных и начинает отдавать приказания. Поднять мост, закрыть ворота, подготовиться к осаде...

Все бесполезно.

Штурм замка сохраняется обрывками.

Летающие ядра, катапульты, стрелы, огонь, бегущие люди... Бой она не помнит даже урывками. Раны, кровь – и она сама, дико напуганная, прячущаяся в библиотеке, откуда ее и вытаскивают пред очи победителя.

Они все стоят в большом зале. Отец, мать, братья, сестренка. А Таламир прохаживается перед ними. Алаис страшно, безумно страшно...

У матери порвано платье, братья избиты, в углу двое солдат лапают материнскую компаньонку – и Алаис впервые благодарит Мелиону за свое уродство. Если бы она была красивой, ее бы тоже... а так просто смотрели с отвращением. Ну дали пару пощечин – не страшно.

То есть очень страшно. И страшнее всего человек с красивым лицом и змеиными глазами. Словно через него смотрит на мир Ирион.

– Теперь вы уже не так высокомерны, ваша светлость? И так, я повторяю свой вопрос. Мне нужно то, что последний из Королей отдал вашему предку. Где оно?

Герцог пожимает плечами. По красивому лицу отца струится кровь – ему выбили несколько зубов и разбили губу, но высокомерие осталось при нем.

– Я ничем не могу вам помочь, Таламир.

– Полагаю, вас надо спросить иначе. Это ведь ваша жена? Он подцепляет за подбородок герцогиню. Женщина рез-

ко дергает головой – и вырывается из хватки мужчины, но Таламира это не злит. Дальше некуда?

Он сухо смеется.

– Что ж... поиграем...

И кивок солдатам.

То, что происходит дальше...

Алаис едва может держать глаза открытыми. Но она смотрит. Она запомнит. Она отомстит.

Таня же, внутри ее разума, отмечает, что это обычная порнуха в стиле БДСМ. Ничего нового, хотя и... мерзко. Не дождавшись реакции от герцога, Таламир смотрит на Алаис. На Алиту. На Алаис.

– Они обе ваши дочери, герцог? Кажется, жена от вас погуляла на стороне. Ну и уродина...

Алаис не трогают его слова. Подумаешь...

Таламир кивает на Алиту.

– А эта может стать хорошим трофеем.

Повинуясь его приказу, солдаты крепко держат Алиту за руки и за ноги, Таламир лично задирает ей юбку и что-то делает с сестрой. Та протяжно кричит.

Алаис не видно за его спиной, что происходит, но она и не рвется. Она знает, скоро чудовищу надоест развлекаться, и настанет ее черед.

Лицо Таламира багровеет, он отвечает Алите пощечину.

– Гулящая сука!

Крик сестры прекращается. И...

– Отдать солдатам. Пусть хоть до смерти затрахают – не жалко.

Лица солдат вспыхивают какой-то страшноватой животной похотью. Алита начинает кричать и биться в их руках, но ее просто вытаскивают из зала. Она кричит где-то вдалеке, но недолго.

Герцог кусает до крови губы, но молчит. Может быть, ему и вправду нечего сказать?

Таламира это не останавливает.

– А вот вторую трогать пока не будем. Она еще невинна?

Теперь холодная рука цепляет за подбородок Алаис. Та содрогается, словно по коже скользнули кольца Ириона.

– Ты ни с кем еще не валялась, девчонка?

Алаис вздергивает голову вверх. Она промолчит.

Она будет молчать, пока хватит сил. Естественно, Таламира это не устраивает. Он опять делает жест солдатам – и Алаис растягивают на полу.

Грубые руки сжимают запястья и щиколотки, кто-то откидывает подол – и между ног лезет жестокая рука. Алаис старается сдержаться, но когда становится по-настоящему больно, глухо вскрикивает. И слышит удовлетворенный голос Таламира:

– Отлично. Мне как раз обещан титул – вот эта девчонка мне его и принесет. Стеречь ее...

И она теряет сознание.

Когда приходит в себя – оказывается в своей комнате. И рядом несколько служанок. Все молчат, никто не смеет разговаривать с ней... а потом приходит он.

Ант Таламир.

Садится на кровать, по-хозяйски смотрит на девушку.

– Пришла в себя? Отлично...

Алаис молчит. Пока она не знает, что сказать. Хотя...

– Что с моей семьей?

– Все мертвы.

Внутри смерзается холодный комок. Нелюбимый ребенок? Да. Нелюбящий? Нет.

– Почему жива я?

Таламир разглядывает ее с интересом. Он ждет криков? Слез? Истерики?

Возможно, это будет позднее. Сейчас же Алаис словно каменеет, не в силах осознать всю глубину своей боли, и это позволяет ей говорить спокойно.

– Потому что, в отличие от сестры, ты оказалась девственницей. Мне не нужен чужой ублюдок.

– Значит, нужен свой?

– Твой и мой. И не ублюдок, а наследник рода Карнавон.

Алаис молчит и, поняв, что нового ничего не дождется, Таламир продолжает:

– Его величество подписал бумаги. Я стану новым герцогом Карнавоном, но чтобы все было законно, ты станешь моей женой и родишь мне сына. Лучше двух.

– А потом?

– Посмотрим.

Судя по хищной усмешке, потом она умрет при родах. Или после родов. Не суть важно.

– Я уродина.

Она сообщает известный ей факт, но Таламир пожимает плечами.

– Я не собираюсь часто с тобой спать. Будешь покорной – останешься жива. Нет... управу на тебя найти несложно.

У Алаис еще хватает ума не соглашаться сразу.

– Я должна все обдумать.

– Полагаю, трех дней хватит?

– Да.

– Тогда оставляю вас, дорогая невеста.

Мужчина отвечает ироничный поклон, и в черных глазах блестит нечто, похожее на... интерес?

Брр... Гадина! Скользкая, мерзкая гадина! Чтоб тебя Ирион сожрал!

* * *

Оставшись одна, Алаис мечется по комнате, пока не выстраивает наилучшую стратегию поведения. И к следующему разговору она готова.

Пусть не настолько, как хотелось бы, но ее стиль мышления чертовски близок стилю самой Тани. Только вот Та-

ню жизнь уже научила, что непоправима только смерть. Все остальное можно и нужно решать на месте. А Алаис не понимает, что смерть – не решение проблем, а только их начало для других людей.

Таламир не собирается долго разговаривать с девушкой, он сразу переходит к делу.

– Мы поженимся через неделю.

Местная неделя составляет десять дней, Алаис переводит дух – время еще есть – и по возможности спокойно спрашивает:

– Что меня ждет?

– Если будете покорны, дорогая невеста, то ничего страшного. Будете жить в замке и рожать детей.

Алаис внутренне собирается.

– Это все?

– Вы хотите внести какие-то дополнения?

Таламир ухмыляется. Алаис старается говорить спокойно и рассудительно:

– Я знаю, что вы меня можете убить в любую секунду, но это чревато бунтом. Я – гарантия спокойствия земель Карнавонов.

– Не переоценивайте себя.

– Не буду. Но мы... Карнавоны – как государство в государстве.

Это правда.

Замок рода Карнавон находится на полуострове, и народ

тут живет... сложный. Рыбаки, контрабандисты, пираты... Алаис не сильно надеется на них, но все же они могут бунтовать. Карнавоны для них свои, Таламир чужой. Он уже привел войска на их землю, уже поднял налоги...

– Вам хочется спокойствия, а мне... я хочу отплатить своим родным.

– И за что же?

Алаис обводит рукой лицо. Мертвенно-бледную кожу, белые волосы, висящие сосульками, воспаленные глаза, горящие безумным огнем.

– Я уродина. Последний ребенок, нелюбимый ребенок, ненужный, откровенно презираемый. Вы наверняка говорили со слугами, вы знаете, как ко мне относились! Но я буду герцогиней Карнавоном! Это дорогого стоит!

– Так чего вы хотите?

– Я хочу Карнавоном. – Алаис пожимает плечами. – Я не так сильна, чтобы удержать эти земли, но у меня будет муж. А у вас будет жена, которая будет рожать детей, следить за Карнавоном и молчать. Что бы вы ни делали. Вы можете удержать Карнавоном, но люди будут бунтовать. Ваше положение при дворе достаточно устойчиво, но оно именно при дворе, не в Карнаване, вы не сможете проводить здесь все время. А я смогу.

В черных глазах появляются заинтересованные искорки.

– Вы предлагаете мне...

– Брак по расчету и крепкий тыл. Я не буду настаивать на

вашей верности – я уродина, я знаю. Даже если вы привезете любовниц сюда, я не стану возражать, потому что я получу то, о чем мечтала с самого детства. Мой дом. Мой Карнавон.

Таламир смотрит с недоверием и удивлением.

– Я не ожидал таких слов.

Алаис позволяет себе пожатие плечами.

– Но вы же наверняка расспросили слуг. Вы слишком умны, чтобы этого не сделать. Меня зовут уродиней, да. Но называли ли меня душой?

Таламир качает головой. Алаис понимает, что идет по тонкому льду, но пока еще она не получила пощечину. Пока...

Она забавляет чудовище, как лягушка перед тем, как быть сожранной, забавляет змею.

– Вы умны. По мнению некоторых – слишком.

Алаис снова пожимает плечами.

– Я получу свое, вы – свое.

– Что мне помешает...

– Убить меня? Ничего.

– Тогда какой смысл для вас в этой сделке?

Алаис пожимает плечами.

– Я получу несколько лет жизни хозяйкой Карнавона. И... возможно, вы решите, что со мной удобнее, так что убивать меня необязательно. Или...

– Или умру раньше?

– Раз уж вы сами об этом сказали... Милость королевы

эфемерна.

Таламир протягивает руку и крепко цепляет косу Алаис.

– Если ты меня обманываешь, девчонка, ты пожалеешь, что родилась.

Черные глаза встречаются с красными. Алаис смотрит спокойно. Ей надо выдержать, совсем немного...

Но и Таламир умен. Впрочем, Алаис не допускает и тени сомнения. Она справится.

Наконец рука разжимается.

– Что ж. Я хочу получить с тебя задаток.

– Задаток?

– В честь твоих добропорядочных намерений.

Алаис смотрит непонимающе, и мужчина едко ухмыляется.

– На колени, девка.

Алаис покорно опускается на колени. Если надо – она хоть весь день простоит.

– А теперь...

Завязка штанов распускается нетерпеливой рукой. Впрочем, того, что появляется на свет, Алаис уже не видит. Как и подобает благородной девице, она уходит в обморок. Кстати, непритворный. Просто разговор потребовал дичайшего нервного напряжения, а требование мужчины оказалось последней каплей.

Но своего она добивается.

Ей разрешают передвигаться по замку, к ней относятся

уважительно, даже Таламир не настаивает на своих правах... а Алаис ведет себя паинькой. Ровно шесть дней.

К ней приставляют служанок и Таламировых проституток, и каких усилий стоит девушке держать себя в руках – знает только Таня. Она справляется. А потом получает возможность утром выйти на улицу.

К морю.

Таня напряженно размышляет.

Да, она нерелигиозна, более того, она искренне считает, что любая религия – это такой коммерческий проект, часто весьма удачный для служителей культа. Но здесь-то не так! Безусловно, здесь есть храмы. Даже в замке Карнавонов есть такой. Он великолепен, отделан в сине-белых, серебряных и золотых королевских тонах, сюда приходят люди и молятся, здесь есть служитель Ардена и жрица Мелионы. Но...

Герцог всегда считал унижительным для себя молиться вместе с обычными людьми. А еще... герцогская семья – она немного не такая, как обычные люди. Алаис вместе с семьей всегда ходила к морю, в маленькую, незаметную, скрытую за скалами бухточку. Здесь ничего не было. Ни икон, ни символики, просто скалы здесь построены самой природой так, чтобы можно было встречать восход солнца. Ибо молиться всегда надо на восходе. На закате же служат только Ириону.

Алаис дико страшно, но все же она верит в себя.

Она из рода Карнавонов, ее желание может исполниться...

Только платить за это надо кровью и болью. Наверное, даже смертью. А желание у нее только одно – отомстить Таламиру. За все хорошее!

Сейчас Таня, живущая в ее разуме, могла осознать происходящее – и подивиться изощренности ума высших сил. И... результату неточного формулирования желаний. Не исключено, что если бы Алаис пожелала Таламиру сдохнуть – они бы умерли вместе: сначала она, потом он. Но Алаис не хотела избавлять Таламира от страданий.

Девушка желала мести.

И высшие силы, живущие в океане, забрали ее душу. А вместо нее в разуме девушки очутилась Таня, крепко подзревающая те самые силы в нечестной игре.

Интересно, не оказалась ли Алаис в ее теле?

И как тогда родные?

Нет, лучше об этом не думать.

Лучше вообще ни о чем сейчас не думать. Надо просто спать и восстанавливать силы.

И в снах Тани плескалась синяя вода мирового океана.

* * *

Снов хватило на два дня, потом пришлось выползать в реальность. Окружающий мир нестерпимо вонял медом и чесноком, сустились рядом слуги и лекари, и кто-то громко заорал:

– ОЧНУЛАСЬ!!!

Над Таней склонилось озабоченное лицо пожилого человека.

– Тьерина, вы меня слышите?

«Заяц, ты меня слышишь?!»

– Слышу, слышу, – голосом Клары Румяновой пискнула Таня. Получилось, видимо, неплохо. – Вы кто?

– Я лекарь, тьерина. Вас нашли без сознания на берегу моря. Что вы там делали?

– Молилась, – отрезала Таня.

– И о чем же?

Голос от двери окатил девушку такой волной холода, что у Тани даже волосы на ногах дыбом встали.

Таламир!

Так это НЕ СОН?!

Тане очень повезло, что высшие силы позаботились сохранить ей память Алаис Карнавон, иначе она бы вообще влетела, как кур в ощи́п. А так просто пискнула и уставилась остановившимися глазами. И – сознание отключилось. Перегрузки оказались слишком большими.

Что уж там говорил и делал появившийся в комнате мужчина, она так и не узнала.

* * *

Второй раз она очнулась ночью и принялась за инвента-

ризацию.

Болело все. Что не болело, того словно бы и не было. Болела голова, все тело было мокрым...

– Тьерина, вы пришли в себя?

Эту девушку Алаис знала. Бывшая служанка ее сестры, Алиты.

– Тарла, дай воды.

– Сейчас, тьерина.

К губам Тани поднесли стакан, и в горло девушке полилась восхитительная вода, смешанная с чем-то вроде легкого вина. Женщина глотала и размышляла.

«Имя я назвала верно. Я... Алаис ее помнит».

Много чего помнит. И как Алита хлестала девушку по щекам за плохо выглаженное белье, и как требовала сидеть с ней ночами и читать вслух – «Спать? Слугам спать не полагается!» – и как приказывала пороть за промахи...

Алаис со служанкой не пересекалась, ничего у той не просила, не помогала, но и не мешала. А что сейчас?

– Тьер сказал, чтобы ему доложили, как только вы очнетесь.

– Вот ты сходи и доложи.

– Тьерина! Вы... я... я не пойду!

– Сходи, сходи, – попросила Таня. – Скажи, что кризис миновал, жить я буду. Глядишь, и награду за это получишь.

– Он же... зверь! Страшный!

Показалось Тане или в голосе служанки сквозили ка-

кие-то неприятные нотки? А и то верно...

Вот чужие люди, враги, захватывают замок, а Тарла осталась жива, здорова – пара изнасилований в этом времени вообще не в зачет, так, разминка перед обедом, – и служит победителям? Да ее еще и к прежней хозяйке допустили? Пусть Алиты нет, но Алаис-то в перспективе – герцогиня?

Ой неспроста.

Механизм самосохранения, выработанный за годы работы юристом в администрации области, включился незамедлительно.

«Не позволять ни о ком говорить плохо в твоем присутствии! Обязательно донесут!»

– А вот так о своем новом господине говорить не следует. Я ведь правильно понимаю, Ант Таламир теперь герцог Карнавон?

– Тьерина, он сказал, что король пожаловал ему эти земли.

– Вот видишь? Услышит кто – головы лишишься.

– Но вы-то...

– А что я? Я жива только его милостью, и хорошо бы тебе о том не забывать. Иди, докладывай! – Таня попыталась рывкнуть, но получилось плоховато. Так, между сипением и шипением.

Служанку как метлой смахнуло, а сама Таня вытянулась на кровати.

«Так, подруга, что мы имеем? Бред это или реальность и

фэнтези, которое любила племяшка Машка, а жить здесь надо всерьез. Даже если меня будут убивать в бреду, я могу помереть в реале. Допустим, в бреду меня сожгут или повесят, а в реале от шока сердце остановится. Очень даже спокойно, слышала я о таких медицинских фактах. Так что до смерти не допускаем. Опять же, пусть это бред, но приятнее ж видеть себя на шелковых подушках и лопать халву, чем сидеть в подвале с крысами?

Тем более что ощущения вполне реальны. Мутит, горло болит, голова разламывается, все тело по ощущениям потное, липкое и вонючее...

Так что относимся ко всему серьезно, даже если это бред. А если не бред – тогда тем более. Прогадить одну жизнь и сделать то же самое со второй? Тогда, подруга, ты будешь заслуживать даже не ада. Такую вислоухую ослицу и оттуда выпихнут. И поделом».

На этом месте мысли оборвались, потому что явился Ант Таламир. За его спиной маячила Тарла, и Таня... нет, уже Алаис, поняла, что угадала. Либо девица на него работает за деньги, либо по идейным соображениям. Или соединяет два в одном – в любом случае друзей у нее нет. Если бы Алаис сейчас начала умолять Тарлу о молчании или говорить что-то плохое о Таламире...

Вторая жизнь закончилась бы, не успев начаться.

Но она повела себя правильно.

Мужчина смотрел внимательно. Выглядела тушка герцог-

ской дочери, видимо, достаточно жалко, но его это не смутило.

– И как мне понимать ваш поступок, дорогая?

Сказано было с такой издевкой, что Таня поняла: один лишь звук, и писец ей придет мгновенно. И посмотрела виновато.

– Это была глупость, тьер. Я понимаю.

– Глу-упость?

Сказано было таким ироничным тоном...

– Я испугалась, – честно призналась Алаис. И не врала, кой тут врать? Еще как испугалась, прямо в этот момент. Были бы памперсы, так точно бы испугалась и еще больше, а так терпеть пришлось.

– И чего же, моя прелесть?

«Горлум хренов, – ощерилась Таня внутри тела девушки. – Чтоб тебя тем кольцом, да за шею!»

– Что вы избавитесь от меня сразу же после рождения ребенка.

Таламир на миг даже опешил. Ожидал он многое, но не настолько откровенного признания.

– А с чего...

– Я ведь не дура. Вот и пошла... помолиться и попросить о помощи.

– Чтобы я полюбил вас и мы прожили долго и счастливо?

– Нет. – На такое Таня и в бреду рассчитывать бы не стала. – Чтобы вы поняли, что со мной выгоднее, чем без меня.

И не были со мной слишком жестоки.

– Да неужели? А это не была попытка самоубийства?

Карие глаза были весьма подозрительными. Алаис вытянула руку вперед.

– Если бы я хотела убить себя, резала бы оба запястья. И резала бы не поперек, а вдоль вен, так кровь бы скорее текла. И не оставалась на берегу, а попробовала бы проплыть хотя бы сколько. Унесло бы меня в море – и все. И тела не нашли бы. Я просто принесла жертву.

Кажется, такая мысль и Таламиру приходила в голову, потому что лицо его чуть дрогнуло, расслабилось.

– На первый раз поверю. На второй – отдам солдатам. Мне дура ни к чему, понятно?

– Да, монтьер, – обращение менее знатного к вышестоящему явно пришлось Таламиру по душе. Он подцепил длинную белесую прядь и сильно потянул за нее.

– Не разочаруй меня, девочка.

И вышел.

А Алаис пробрал холодный пот.

Чудом, чудом смерти избежала. Покажись этому хищнику, что она посягает на его территорию... ох, епт! И костей бы не сосчитали. Скинули бы ее с башни в море, и привет рыбам. Заклинай там кораллы сколько влезет!

Брр...

Отморозок, как есть полный и отморозок, и выморозок. Страх пробрал аж до костей, мешая согреться под пуховой

периной. Тарла суетилась вокруг Алаис, причитая, что ужасно какой, но девушка ее не слушала. Она лежала, прикрыв глаза и изображая сон, пока служанка не утомилась. А потом принялась анализировать дальше.

Тане в родном мире было далеко не шестнадцать лет. Она – юрист, за плечами у нее опыт работы в администрации города, а уж какой там гадючник! Да приползи туда Ирион – беднягу бы ядом в три минуты заплевали. Она же проработала там едва не двадцать лет и умудрилась ни с кем не испортить отношений. Верьте, это очень немало.

А стало быть, считаем исходники и раскладываем все в две кучки. Плюсы и минусы.

Главный исходник – она в другом мире. Это не плюс и не минус, это факт, и с ним жить придется. А вот что из него следует...

Плюсы – она не крестьянская дочка. Она дочь цельного герцога. Она даже может наследовать за отцом. Она явно обладает какой-то фамильной магией – если ее просьбу слышали и совершили обмен душ! Не хухры-мухры! У нее незаурядная внешность, отличные, по здешним меркам, образование и воспитание, есть кое-какие родные... также из плюсов – два образования. Хим-био и юридическое. Причем первое получено еще до перестройки, и вколочено так, что по сию пору не забыто. Особенно классификация Линнея – в кошмарах снилась! Второе же, юридическое, отточено путем долгой практики. И за столько лет прочно вросло в ко-

жу, заставляя взвешивать и отмеривать. Как говорится, знание закона освобождает от ответственности и срока. Это из плюсов.

Минусы – все остальное. Герцога недавно свергли и казнили. И унаследовать она от него может только топор и плаху. Есть предположение, что ради нее новых заказывать не станут. Даже если она и обладает фамильной магией, то хвост ее знает, что там за магия, как она действует и когда проявляется, в разуме Алаис ничего по этому поводу не было. Да и вообще, судя по памяти, человек колдующий тут даже в сказках отсутствовал. Были только Морские Короли. Вот те да! И вдоль, и поперек, только вот Алаис к ним – никаким боком. Увы... сладкие магические плюшки медленно таяли в небытии.

Незаурядная внешность?

Еще бы! Альбинос! То, что здесь они не котируются, – факт. По местным меркам – урод уродом, не говоря уж о фигуре. Тут предпочитают статных, а она – дохлятина без видимых половых признаков. Первый размер груди и нулевой – попы. Кости, элегантно торчащие по сторонам. В покинутом ею мире и то бы не котировалась. Своеобразная внешность? Так и Квазимодо запоминался! Квазиморда!

Образование? По местным меркам, женщина, умеющая читать, – уже роскошь. Ни к чему. Вышивать, рожать детей и управлять домом. Проверять управляющего будет муж, отец, брат, сын... нужно подчеркнуть, недостающее вписать са-

мой. Так что образование тут никуда не пристроишь.

Воспитание? Шесть вилок для поедания дичи?! Лучше б драться научили! А то сдыхоть!⁴

Родные? Разве что Ланисия. Остальные ее видали... да-да, лучше в гробу, меньше претендентов на наследство. Это еще если кто уцелел.

Теперь переходим к остальному.

Хим-био? Ну... ежели кому надо классифицировать ба-рана – обращайтесь. В остальном же... у нее ж уклон был больше в биологию. Химия – в минимальных рамках, а жаль. Сейчас бы сварить нитроглицерин – и поднять замок в атмосфере! С Таламиром в качестве пилота!

Юридическое?

Ну-ну... тому же Таламиру можно до утра доказывать полезность брачного контракта, только получишь в лучшем случае по морде. Сдался ему юрист, когда у него на поясе судья висит! Он же средневековый калькулятор для окончательных расчетов. Меч называется.

А еще у нее нет ни копейки денег, ни толковых знаний об этом мире, ни связей, ни влияния, ни какого-то умения – ни-че-го! Ей предназначена участь племенной коровы – если она еще переживет роды. А если нет – Таламир ей принесет букетик на могилку. В благодарность!

И куды бечь? И куды лечь?

⁴ Сдыхоть – местное выражение, очень тощий, физически неразвитый человек.
(Прим. авт.)

Вариант Алаис отпадал как факт.

Конечно, можно сползать опять к морю, порезаться и попросить. Но...

Чудеса творит вера. А она искренне верит, что таким образом можно получить простуду, анемию и заражение крови. А вот с чудесами напряг. Так что номер не пройдет.

Но ведь и перспективы были не лучше! Умирать-то тоже неохота!

А придется.

Таня мрачно констатировала, что следствием такой веселой жизни станет только ее ранняя смерть.

Оч. ранняя. И оч. мучительная, как пишется в анкетах. И заодно полная унижений жизнь. Алаис-то торговалась, желая выгадать для себя время. А она?

Найдите хоть одну женщину, которую устраивают такие условия.

У тебя все, у меня ничего, и дышать я буду только по твоему соизволению. Ага, ежели кто садомазо тематики начался, это все в ролевых играх хорошо. А по жизни, когда тебя танком переезжают, вовсе не вдохновляет. Ни процесс, ни результат.

Алаис лежала в темноте, кусала губы и думала, что только присутствие служанки мешает ей материться на весь замок. А хотелось!

Ладно.

Есть вещи, от которых ей увернуться точно не удастся.

Брак. Это факт.

Придется и сесть, и влезть, удрать-то точно не получится. Алаис, чтоб тебя на том счете черти съели, после твоей выходки меня будут стеречь и охранять до самого пикового момента! Да и потом тоже...

Эх-х-х...

Дальше вопрос. Сильно-то Таламир ее калечить не будет, ему нужно, чтобы этот скелетик еще наследника выносил, но и не сильно... Как-то не вдохновляет получить по морде за неосторожное слово или подвергнуться законному изнасилованию. Когда-то она даже картинку видела, называется «Наказание супруги» или как-то так? По голой попе розгами – не?..

Без романтики и подаренных потом брюликов, без подписанного контракта и «стоп-слова», короче без всей цивилизованности садомазо.

А ведь и такое может быть.

Побег?

Да, пожалуй, это единственный вариант. Но нереальный. Ибо куда тут бежать, и к кому, и с чем, и как – совершенно непонятно.

Книжные дети – существа неглупые, иногда они намного умнее своих сверстников, у них другая беда – умом они повзрослели, а вот житейского опыта не набрали. Неоткуда. Теория без практики мертва...

У Алаис были книги, у Тани как раз житейский опыт.

Сейчас девушка размышляла.

Карнавон.

Неудивительно, что на него спустили Таламира. Государство в государстве. Расположенный на юго-западе королевства Сенаорит, прибрежный, кусок от бывших владений, но и так чуть ли не четверть страны, к тому же совершенно независимая. Рыбаки ловят рыбу, купцы торгуют, контрабандисты тоже ведут свой бизнес, крестьяне подальше от моря пахнут пашенку, герцог стрижет налоги и богатеет год за годом. И власть его растет.

К тому же Карнавон. Древность рода такая, что королевский и рядом не стоял.

И что должен делать король? Вот с таким прыщом у себя на носу? Да только что выдавить его со всей силы. Набрал – и обрушился. Предыдущие герцоги как-то соблюдали систему противовесов, а нынешний зарвался. С кем-то не поделился, кому-то не доплатил, опять же пошиковал в столице ради обожаемой жены, союзы заключил... во-от! Дура ты, Алаис, дура. Нет бы сразу подумать!

Союзы!

Сыновья были помолвлены с девицами из семей Шалон и Ларреш, Алиту выдавали за Эфрона... Это резкий скачок влияния. И король заволновался за свой трон. Кстати, небезосновательно. Отец, может, и не стал бы воевать за власть, а вот сыночки запросто. Уж старший братец точно, та еще гадина.

Кусочек души Алаис возмущался таким определением ее родного человека, но Таня была безжалостна. Да, не красавица младшенькая получилась. И что? Это повод травить соплюшку? Ведь никто, никто не протянул руку... Только издевались и смеялись.

Твари!

Их вот в семье тоже трое, но если бы Николай Семенович поймал Таню или кого из мелких на таком поведении – год бы потом попа чесалась. Права там детей или не права, но свои обязанности механик хорошо понимал. Вырастить паршивцев людьми. А методы... Цель оправдывает трепку.

Кстати, факт показательный. Алиту помолвили с двенадцати лет. Алаис даже и не подумали – вот еще! И какая бы судьба ее ждала?

Ладно!

Бог с ним, с возмущением. Даже Арден с ним. Делать-то что?

А что тут сделаешь?

Раз уж ты, Таня, попала в этот мир и в это тело, надо действовать последовательно, не то костей не соберешь. Первое – перестать думать о себе как о Тане. Она – Алаис Карнавон, девица из знатного рода, помолвлена с тьером Таламиром и собирается принести ему титул герцога и герцогство. Кстати, все ли тут продумала королева? Кусок жирный, но вдруг Таламир им не удовольствуется? Возьмет да на трон замахнется? Может ведь!

Войско его любит, народ...

Э, нет. Народ своего герцога любил. Карнавоны – это род, Таламир же – безродная тварь, ставшая тьером за свои заслуги. На троне его не примут.

А вот его сына от Алаис...

Ох, епт! Это что – еще и от киллеров отмахиваться? Вряд ли королева дурнее Алаис и не просчитала такую возможность!

Перспективы не радовали.

Замок наверняка набьют осведомителями, за Алаис установят слежку... делать-то что?!

А все! Дорогу осилит идущий...

Алаис вспомнила импровизацию, которую при ней как-то выдал брат.

«Дорогу осилит идущий, бегущий, бредущий, ползущий, а тем, кто упал и сдастся, подняться и не удастся. Поверь, что успех впереди, и молча, упорно иди».

Вот это мы и решим.

Выздоровливать – первое.

Повышать физическую форму – второе. А то мышцы как сопли, даже сейчас ясно: пресса вообще нет, ноги небось и часа спортивной ходьбы не выдержат! Герцогесса!⁵ Тьфу!

Набирать ресурсы – третье. Чтобы и ключи от кладовых, и фамильные брюлики, и энная сумма в записке были. А то придется бежать, а денег нет. И будем распевать: «Денег нет,

⁵ Герцогесса – дочь герцога. (Прим. авт.)

но в мире все замечательно, денег нет, но ты, пожалуйста, держись!» Ага, щас! Лучше так: «Без денег жить нельзя на свете, нет, без них не будет супа на обед...» Так оно правильное.

Никому не доверять – основное. Главное и единственное.

А пока спать. Спать, зараза.

Нам еще замуж выходить, если открутиться не удастся.

С этой мыслью Алаис и отключилась.

* * *

Алаис приснился остров.

Во сне она летала, как летают только маленькие дети или очень счастливые взрослые. Крылья легко держали ее над морем, она то скользила над самой водой, то поднималась под облака, играла с барашками на гребнях волн, смахивая их крыльями...

Когда впереди показался остров, она даже обиделась. Как не ко времени!

Но на острове стоял замок.

Алаис снизилась и вгляделась.

А красиво...

Белая скала над морем, белый камень замка, словно вырастающего из скалы, пять башен и одна центральная. И на всех башнях флаги.

Зеленый, голубой, белый, желтый, алый...

На них что-то нарисовано, но пока Алаис не видит все гербы. Какие-то морские твари. На центральной башне тоже развевается полотно.

Цвет... моря?

Да, это морская волна. Сине-зеленая, изменчивая, переливатая. А что изображено на знамени?

Алаис всматривается до боли в глазах, но не может различить рисунок. И все же он там есть. Он должен быть, но какой?

Какой герб у хозяина Замка над Морем?

Глава 3

Род Ольрат

– Ты же ее предаешь!!! Ты что, не понимаешь?!

Роман тряс Массимо, так что голова мужчины моталась, как у тряпичной куклы.

Бесполезно.

Массимо смотрел пустыми глазами абсолютно пьяного человека.

Да, не просыхал он уж пятый день как. Как похоронил Мариль, так и принялся заливать горе выморозками⁶, да в таком количестве, что улицу бы затопить хватило.

Душа горела и болела.

Мариль...

Ее-то за что?!

Ведь соплюшка же, даже жизни повидать не успела! Ничего не успела...

И так мучительно! Подонки!

Один он остался...

Боль мешалась с пьяной жалостью к себе, затягивая Массимо в какой-то омут, в котором не было места реальности.

⁶ Выморозки – дешевое крепкое вино, приготавливаемое путем вымораживания виноградного вина. (Прим. авт.)

Сестра, мать, отец, Мариль – все кружились перед ним в винном дурмане, Романа он просто не видел.

– Ты понимаешь, что ее смерть не должна оставаться безнаказанной?!

Бесполезно. С тем же успехом Роман мог взывать к изображению Ардена, авось отзовется. Но деревянный лик, крашеный в бело-синие тона, молчал. Молчал и Массимо. То есть мычал что-то нечленораздельное. То ли пел, то ли жаловался, то ли ночной горшок требовал.

– Тьфу!

Роман сплюнул на грубый дощатый пол, утопив плевком двух блох и таракана, – и вышел из таверны, оставив Массимо, где тот и сидел. Что толку с дураком вязаться?!

Раз так – он сам отомстит за любимую!

Пусть в Храме говорят про слуг Ириона, Роман точно знает, что Змей из Водоворота не вылез! Нож, которым перерезали горло Мариль, держала человеческая рука. И Роман не верил, что можно похитить человека просто так.

Только не в их городе!

Обязательно кто-то должен увидеть, услышать, шепнуть знакомому. Осталось совсем чуть-чуть: узнать, кто, как, когда, кому...

Роман потратил уже кучу времени и сил, щедро платил уличным мальчишкам и нищим, и сегодня, кажется, его ждет успех.

Ему назовут имя.

Имя человека, в чью карету садилась Мариль. И с этого человека он спросит за все!

Семейство Даверт

Эттан Даверт шел по залу, раскланиваясь со знакомыми. Врагами и недругами.

Друзей у него здесь не было.

Для быдла предстоящие все едины, их воля – воля каждого, воля Ардена, воля верующих. Но это для быдла. Люди посвященные знают иное...

Вот стоит Леорант. Стоит, жабеныш, пепелит его злым взором. Ненавидит до безумия, голыми руками разорвал бы Эттана, да не выйдет. Кто ж тебе, дурашке, виноват, что ты девочек молоденьких любишь? И умудрился своей жирной любовью уходить до смерти уже троих в заведении госпожи Лошар? Соблюдал бы обет безбрачия, как подобает предстоящему, – и проблем бы не знал!

Вот кланяется Инторс. Этот тоже не любит, но надеется на милости. Ему хватило золота. Монетки сей достойный предстоящий любит больше, чем что бы то ни было. Оно и понятно, на что-то другое уже и сил не хватает, и возможностей – возраст-то почтенный. Почитай за шестьдесят жучку накапало.

А вот и Эльнор. А как ненавидящим взглядом-то жжет! Его б воля – сейчас кричал бы на весь зал, да не выйдет! Ни-

как не выйдет, и не надейся. Доченька твоя, грех юности от любимой девки, сейчас в надежных руках. И если не проголосуешь как надо – ее насмерть затрахают.

Эттан мило улыбнулся Эльнору, наслаждаясь бессильной ненавистью.

А кто тебе лекарь, коли ты свое защитить не умеешь? Эттан отлично помнил, сколько золота, интриг, сколько сил пришлось ему потратить, чтобы защитить свою семью. Вальера, конечно, не была беззащитна, Тессани – род старый, говорят, еще с самими Лаисами в родстве, а те – отравители из первых. И Вальера этому ремеслу тоже обучена.

Эттан помнил, как был удивлен в свое время, обнаружив у Вальеры в прическе отравленную шпильку, а на руке – кольцо с ядом. Разные яды, кстати говоря.

Лусию жена тоже учит, передает опыт, мальчишек пыталась, но те...

Луис – это его гордость и радость, истинный первенец. Жестокий, умный, сильный, верный, по-своему преданный ему, Эттану. Идеальный пес. Он всегда будет приносить добычу.

Самый хитрый и пронырливый – Эрико. Такой проныра, что без денег никогда не останется. Еще мальчишкой был, а уже пытался чем-то торговать со своими друзьями. И с купцами общий язык найдет. Даже с маританцами умудряется торговать, хотя вот уж эти твари так твари. Вот с кем не договоришься.

Гвардия древних королей, чтоб их! Гордости немерено, но и силы тоже. Ничего, вот он станет Преотцом – и найдет на них управу. Необязательно атаковать в лоб, есть ведь еще и кинжалы, и яды, и интриги... сами еще запросятся под его милостивую руку.

Ну и третий сын. Родригу.

Тот попроще. Не такой хищный, как Луис, не такой хитрый, как Эрико, но быть предстоящим под умелой рукой отца – на это его хватит. Сейчас он ждет за дверями вместе с остальными служителями. Заодно и прислушивается. Вот уж кто не умеет язык держать за зубами, так это вся прислуга. А уж как ее назвать... Лакей ли, служитель... Единообразно.

Ничего, пусть сплетничают. Пересказать их разговор и Родригу сумеет, а уж Эттан потом из общей навозной массы выловит крупинки золота.

Да, если сегодня все пойдет как надо, следующее утро он встретит в голубой мантии, расшитой жемчугом, – одеждах Преотца⁷. А если нет...

Тогда его и в живых не будет.

Но в свою судьбу Эттан верил твердо. Он рожден для власти, рожден, чтобы стать Преотцом, и король будет ему кла-

⁷ Священники в мире Рамтерейи носят бело-голубые одежды как знак того, что людей создали из воды и морской пены. Служители, самый низкий ранг, носят белые одежды, возносящие носят белые одежды с голубой отделкой, предстоящие носят полностью голубое одеяние с белой оторочкой по вороту, рукавам и подолу, и только Преотец имеет право носить голубое, расшитое морским жемчугом. (Прим. авт.)

няться. Он этого добьется, сделав Тавальен великим.

Не на словах, а то сейчас власть Престола Преотца хоть и огромна, но конечна. Эттан Даверт сделает так, чтобы она была распространена на всех трех континентах.

О, как хорошо Эттан помнил свою юность.

Голодный сын нищего тьера, у которого и было-то добра – шпага и пяток золотых в кошельке, приехал в Тавальен на поиски славы и богатства. Попробовал записаться в гвардию, но быстро понял, что это не его. Славы там не снискать, если будет война, гвардейцев, может быть, на передовую и не пошлют, но убьют достаточно быстро, а деньги...

С вечно задержанным жалованьем?

А чего б его и не задерживать, если в гвардию в основном и шли вот такие тьеры, как он. Вторые и третьи сыновья, которым ничего не светило дома, кроме тощего кошелька с монетами...

Требовать деньги им не позволяла гордость, вот и шлялись от пьянки к гулянке, от трактира к таверне... Эттана не устраивала подобная жизнь, и он начал присматривать кормушку пообильнее. И – наткнулся!

Храм же!

И служители Ардена!

Нельзя сказать, что они жировали все без исключения, но юного Эттана сильно впечатлил возносящий Лоуренс. Эттан тогда ухаживал за тьериней Виальт и не был удивлен, что та предпочла возносящего. Как-никак, Лоуренс мог красиво

ухаживать, дарить цветы, драгоценности, и самое обидное – его нельзя было вызвать на поединок. За это могли и в подвалы Храма упечь. Святотатец же! Покушение на Храм Ардена!

Еретик!

Эттан подумал – и на него снизошла благодать. Он побеседовал с возносящим Лоуренсом (мир праху его, святой человек был, жаль, помер от дурной болезни) и получил пару полезных советов.

– Понимаешь, есть ли там Арден или нет, кто ж его знает? – рассуждал возносящий, аккуратно отпивая глоток травяного отвара и промокая губы батистовым платочком. – А вот верующие, те точно есть. Их много, они с деньгами и так и напрашиваются, чтобы их стригли. Сам посуди, мы же зовем их паствой, а что добрый пастырь делает с овцами? Правильно. Разводит, стрижет, режет на мясо, ну и пасет, чтобы куда не надо не забредали. Или – ха-ха – дурные мысли в тупые головы к ним не забредали. Вера? А кто тебе мешает верить в Ардена и дальше? Только написано в книге Его – не согрешив, не покаешься. Вот и греши, ибо больше радости ему будет об одном раскаявшемся грешнике, нежели о десяти праведниках. А покаяться всегда успеешь, уж возносящий возносящему грехи всегда отпустит⁸.

⁸ Автор просит прощения у тех, кого могла оскорбить подобная трактовка, и напоминает, что тьер Даверт – человек глубоко непорядочный, ему можно. (Прим. авт.)

Эттан слушал и принимал к сведению. Умный же человек говорит, и правильные вещи говорит. И что пастырь должен быть умным, и что негоже допускать на такие места всякое быдло, и что избыток веры тут только вреден...

Управляют ведь не верой в разумность овец, а кнутом и собаками. И это правильно.

Эттан внял. И стал служителем. Быстро сделал карьеру и стал возносящим. Повстречался с Вальерой, но отношения с ней узаконивать не стал. Ему хотелось быть предстоящим, а семейным на эту ступеньку путь был заказан. Спать можно, детей плодить можно, а вот в Храм – ни-ни. По счастью, Вальера поняла и поверила. И даже родила ему четверых отличных детей. Каждому найдется применение, особенно крошке Лу.

Да, дочка получилась очаровательной, как маленький вьелерин!⁹ На такое сокровище он еще поймает крупную рыбку. Очень крупную...

Задумавшись, Эттан едва не пропустил момента, когда все предстоящие направились в Зал Избрания. Сейчас двери за ними закроются, и на помосте зажгут костер Избрания. Пока его дым белый. А когда изберут Преотца, в огонь бросят порошки, меняющие дым на синий.

Да, так вот. И никаких чудес.

⁹ Вьелерин – создание, сотворенное Ардемом из солнечного луча и капель воды. Невероятно красивое, оно доносит до людей волю Бога, ближайший аналог – ангел. (Прим. авт.)

Образа с проколотыми дырочками, чтобы благоисточили, специальные системы зеркал в храмах, благовонные травы, вводящие людей в блаженное состояние, правильные молитвы – да много чего используют в своей работе возносящие. Верующий должен повиноваться и верить. Нести деньги в Храм, а не думать. Молиться и работать. А думать за него будут другие.

С сегодняшнего дня он. Преотец Эттан Даверт! Иной мысли Эттан и не допускал, вот еще не хватало! Только вперед!

Только к победе!

* * *

Зал Избрания был обставлен со всеми удобствами. А как еще? Вдруг им тут сутки сидеть придется – случилось и такое, – и на голом полу, что ли? Нет уж!

Роскошные кресла, обитые голубым бархатом, манили, призывая опустить в них усталое тело, на тяжелых столах всевозможные яства. Не избирать же Преотца на голодный желудок? Мужчины один за другим опускались в кресла, накладывая себе на тарелки что понравится. Слуг тут не водилось.

Пустым осталось одно-единственное место.

Кресло во главе самого большого стола мог занять только Преотец. Пока его не выберут – никто не смел опустить свой

зад на потертый белый бархат.

Какое-то время в комнате царило молчание. Потом его нарушил предстоящий Туаран. По возрасту он уже не годился в Преотцы, поэтому мог спокойно вести собрание.

— Что ж, братья мои, мы сегодня собрались, чтобы выбрать нашего Преотца. Я знаю, что мы рассматривали кандидатуры предстоящего Даверта...

Эттан вежливо наклонил голову. Он не ел, а стоял пока в сторонке, прислонившись к колонне, и потягивал вино из золотого кубка. К слову сказать, жабий камень¹⁰ уже был в нем — мало ли что может произойти до Избрания? Жить хотелось.

— ...предстоящего Тинура и предстоящего Эльнора. Прошу поднять руки тех...

— Я отказываюсь от места Преотца, — подал внезапно голос Эльнор. — Пусть мой голос будет за Даверта.

Эттан не расплылся в улыбке, но был к этому очень близок. Так-то тебя...

Прихватить твою незаконную, но любимую дочку, и ты что хочешь сделаешь. Вот от него, Эттана, такой глупости отродясь не дождешься. Он просто вычеркнул бы Лу из своих планов, но отказаться от тиары Преотца?

Никогда!

¹⁰ Жабий камень — мифический синий самоцвет, который можно было найти в голове жабы. По поверью менял цвет, попадая в отравленный напиток. (Прим. авт.)

Предстоящие зашумели, и прошло не меньше десяти минут, прежде чем слово опять взял предстоящий Туаран.

– Тогда у нас есть предстоящий Тинур и предстоящий Даверт. Итак, братья...

Эттан посмотрел на Тинура. Сейчас должен отказаться и этот. Потому что не надо, вот не надо прихожанок в келье охаживать. И Эттан уже пообещал ему, что это будет обнародовано. Такая клякса на одеждах Преотца!

Тинур резко выпрямился.

– Я буду счастлив возглавить Храм Ардена, братья! Если вы выберете меня, я не подведу!

Эттан скрипнул зубами.

Ах ты...

– Тинур, а как же тьерина Илона? Или тьерина Луиза? Они одобряют твоё Избрание? Тебе ведь придется их бросить, – поинтересовался он самым медовым тоном.

Тинур пожал плечами.

– Грешен, братие. Но пусть тот, кто без греха, первый толкнет меня с обрыва! Ибо сказано, что не стоит говорить о пятнах на одежде соседа, когда твоя вымазана в навозе.

– И чья же одежда вымазана?

Любой, кто знал Эттана, понял бы, что Тинур только что подписал себе смертный приговор. Если Эттан станет Преотцом, то Тинур уже не выйдет из подвалов Храма. И отправится туда сразу же после Избрания.

– Я говорю о тьерине Тессани, которая родила вам,

брат мой, четырех незаконных детей. Это для Преотца еще страшнее.

Эльнор сложил руки в молитвенном жесте.

– Грехи моей молодости... Да, я был юн и глуп. И не могу сейчас оставить бедную женщину своей заботой. Вы же понимаете, что одна, с четырьмя детьми на руках... разумеется, я помогу ей. А кто бы бросил ее в этот момент?

– Мне известно, что ваша связь продолжается и по сей день, – парировал предстоящий Эльнор. Ах ты... гадина! Все же умудрился змеиный хвост подложить! – Я не думаю, что это допустимо для Преотца.

– Разумеется. Любые связи между нами будут невозможны, – кротко согласился Эттан. – То, что простительно предстоящему, не спустят Преотцу. Так что если меня выберут, тьерина Вальера не увидит меня более в своем доме.

Как водится, обещание было вполне двучленным.

В своем доме и не увидит, но, став Преотцом, он сможет купить ей другой дом, под защитой башен Ардена. Мало ли кто... Мало ли что...

Мог бы и сейчас, но слишком крупные траты привлекут к себе внимание. Ни к чему сейчас такое, вот займет он свое место – да! свое! – тогда и покажет всем, где Ирион лежит!

Предстоящие переглянулись. С одной стороны, они и сами были не без греха, известно ведь, что законы пишутся для стада, а не для пастырей. С другой...

Кого поддержать?

Хотя у большинства выбора не было. Эттан Даверт не собирался прощать предательства и нагадить мог очень сильно.

– Итак, предстоящий Даверт и предстоящий Тинур, – провозгласил Туаран. – Пусть принесут чашу – и делайте ваш выбор, братья. Голубой камень – предстоящий Даверт, белый камень – предстоящий Тинур.

Как ни был уверен в себе Эттан, а все же душа ушла в пятки, когда камни посыпались в чашу. Один за другим, они глухо щелкали по простому деревянному дну, и каждый раз его сердце вздрагивало, когда подходящий к чаше человек оглядывался на двух предстоящих.

Тинур смотрел на Эттана так, что Даверт ежеминутно ожидал воспламенения и сжимал кулаки. Сам же Даверт был спокоен и вальяжен, словно не происходило ничего важного, будто он не рисковал жизнью в эту минуту...

Впечатление он производил, что тут скажешь. Небрежная поза, скучающий взор, рука, сжимающая бокал, не дрожит...

Наконец чаша наполнилась – и предстоящий Туаран поднял ее двумя руками, а потом перевернул над специальным столом. Пусть все видят, что Избрание не подделано, что камни не подменили при пересчете...

Голубых камней оказалось тридцать один.

– Поздравляю вас, Преотец Даверт.

Туаран первым склонился в поклоне. Кстати, его Эттан даже не подкупал. Будучи старым и неглупым, предстоящий

Туаран искренне считал, что во главе стаи должен стоять самый хищный зверь, а таковым он полагал Даверта. И Эттан не сомневался – его камень был голубым.

Что ж, при случае Эттан это вспомнит. И поблагодарит старика.

Эттан выдохнул – и поклонился в ответ, не обращая внимания на ненавидящие взгляды.

– Обещаю приложить все усилия для возвеличивания Храма Ардена в королевствах!

Даверт и не знал, что в момент его наивысшего торжества судьба подложит ему свинью.

* * *

Тьерина Мелания нервничала.

Тьерина Мелания переживала.

Тьерина Мелания строила планы побега.

Ну разве могла она позволить, чтобы из-за нее отец оказался в зависимости от этих гнусных Давертов?

Конечно, нет!

А потому...

Надо было просто выбраться из домика через окно, так, чтобы не заметили эти мужланы (а им и дела до нее нет, сидят на поляне, играют в кости), добраться до дороги, а уж там...

Вот в романе тьерина Коломбетта повстречалась с пере-

одетым принцем, они полюбили друг друга и бросились родителям в ноги. А тьерина Адалетта встретила на дороге графа, который как раз был в печали после смерти супруги, и у них было еще много испытаний, но потом-то все было хорошо!

Так что надо только сбежать!

О жизни тьерина Мелания знала ну очень мало. Отец любил ее, берег, воспитывал в монастыре под присмотром доверенных лиц, а потому все ее знания были почерпнуты из романов. О том, что в лесу водятся волки, она теоретически знала, но ни в одном романе волки не загрызали главную героиню! Могли погонять по лесу, а потом являлся герой и спасал ее. Так что побег тьерина тоже воспринимала как восхитительное приключение из романа. А о том, что ее могут обидеть, даже и не задумывалась.

Её?!

Обидеть?!

А за что? Это же она, она хорошая, она никому ничего плохого не сделала...

Так что тьерина обдумывала планы побега – и наконец решилась. Взяла столовый ножик и принялась открывать задвижки на окне. Одна, вторая... есть!

Не прошло и десяти минут, как ставни растворились. А всего-то дел: просунуть нож в щелочку и приподнять засов, совсем как в «Похищении Армелинды»! Вот какая она молодец! Теперь надо бесшумно вылезти в окно...

Тьерина мрачно вздохнула, подоткнула повыше юбки, подставила стульчик и полезла.

Караульщики так и играли в кости, когда тьерина выбралась с противоположной от них стороны и тихо-тихо направилась в лес, едва дыша, чтобы не услышали.

Может, ей и удалось бы уйти в лес и попасться там на зубы особо невезучему и романтичному волку, но...

Пауки в романах тоже не водятся. Разве что паутина, которая может обнаружиться где-нибудь в углу старинного замка. А вот в лесу водятся. И вырастают до размеров ногтя на большом пальце руки, и обладают отвратительной внешностью...

А еще у них есть такая привычка – если в их паутину влезть прической, они вполне могут упасть неосторожному типу на голову. Что и произошло.

Тьерина Мелания завизжала так, что лес дрогнул. А уж как подскочила ее охрана...

Девушка поняла, что раскрыта, и помчалась в лес, не особо разбирая дорогу. За ней рванулись вояки, понимая, что за побег девчонки Даверт из них ремней нарежет.

Тьерина бежала, и было это вовсе не как в романах. Лес почему-то оказался буреломным, сухостойным и паутинным. И сколько всей этой мерзости она собрала на прическу и платье – неизвестно.

Позади топали тяжелые сапоги, девушка летела, уже не разбирая дороги, а герой все не приходил и не приходил.

А потом земля вдруг вывернулась из-под маленьких ножек.

* * *

Двое мужчин стояли над бездыханным телом.

– Ирионова глотка, – мрачно произнес Дим.

Его более молодой напарник выражался куда как изощреннее. И было отчего.

Убегая от погони, тьерина Мелания не заметила звериной ловушки – Ирион сожри всех браконьеров! – и попала прямо в нее. Сейчас тьерина больше всего напоминала бабочку на булавке.

Заостренный кол пробил ее насквозь. Девушка скончалась раньше, чем ее вытащили из ямы.

Мужчины смотрели на нее и прикидывали, что с ними сделает Даверт.

– Шею свернет, – подумал вслух Дим.

– Это если повезет, – откликнулся напарник.

Эттан Даверт не прощал подобных промахов, его сын тем более, так что...

Спустя двадцать минут на поляне никого не осталось. Тело девушки мужчины оставили в доме, заперев его на все замки, так хоть зверье до нее не доберется. А сами сняли с тьерины все имеющиеся драгоценности и направились в Тавальен. Если повезет, до вечера их не хватятся – и они успе-

ют уехать. Хотя и тяжело покидать насиженное место, а жизнь дороже...

* * *

Эттан выходил из зала победителем. Очаровательная улыбка, поклоны...

Эльнор догнал его на выходе.

– Мелания...

– Ваша дочь будет возвращена вам к завтрашнему вечеру, – тихо ответил Даверт. – Раньше просто не успеть. Как вы понимаете, сегодня я буду немного занят.

Эльнор скрипнул зубами, но что он мог сделать? Только предупредить.

– Если с ней что-то... я вам глотку перерву, Даверт.

Эттан ответил сопернику улыбкой победителя.

Глотку он перервет! Смешной дурак!

Да что ты успеешь-то?

Сейчас, когда я стал Преотцом, я как следует прополю ваш огорожок. Должен быть – Я. А вы должны слушаться меня, покорно выполнять приказы и не иметь своего мнения. И уж тем более не метить на мое место, вот еще не хватало!

Так что предстоящего Эльнора ждала печальная судьба. Рано или поздно, скорее рано, Даверт доберется до его горла, а уж как это будет обставлено...

Может быть, встреча с разбойниками на проселочной до-

роге, может быть, подарок с отравленной иглой, может быть, арбалет на темной улице – как повезет. Что будет выгоднее.

Но – покойся в Море, предстоящий Эльнор, как говорили раньше еретики. Это ж надо, было ведь время, когда умерших хоронили в море...

Да, надо активнее бороться с суевериями.

Эттан отлично знал, кто до сих пор поддерживает их, и собирался ловить людей на их маленьких слабостях. Или немаленьких.

А девчонку можно вернуть Эльнору, и даже нужно. Когда предстоящий совершенно случайно отравится рыбой, придет время подумать о подходящей партии для соплячки, чтобы получить хотя бы часть состояния ее отца.

Даже во враге должно быть что-то хорошее.

Например, его деньги, которые могут стать твоими.

Род Ольрат

Когда на голову Массимо вылилось ведро холодной воды, он только замычал. Пьяный туман у него в голове одним ведром было не вышибить, тут бочка нужна.

Вот туда бедолагу головой и сунули.

И поболтали еще как следует, чтобы прочухался. Раз, другой, третий... потом Массимо разлепил глаза и издал стон.

– Ой... где я??!

Крепкая затрещина вышибла остатки тумана. На него смотрел Тимус Шернат, отец Романа. Старый кожевник был чем-то весьма недоволен.

– Протрезвел? Или еще добавить?

– Да пошел ты... Ириону под хвост, – огрызнулся Массимо. – Чего ты ко мне лезешь?

Еще одна оплеуха прилетела быстрее ветра. В обычном состоянии старый вояка увернулся бы от нее, но сейчас, после многодневного запоя? Да его бы и муха крылом сшибла...

– Завтра Романа хороним. И ты там будешь, понял, дурак старый?

Новость ошарашила Массимо вернее дубинки. Он завозился на вытоптанной земле шернатовского двора, пытаясь подняться и развозя по себе месячную грязь.

– Как... Роман?! КАК?!

– А вот так. Ты соображать-то в силах?

– Да уж не дурее тебя, – огрызнулся Массимо.

Тимус кивнул на бочку с водой. Рядом с ней лежала на скамейке чистая одежда.

– Вымойся, переоденься да приходи в мастерскую. А то от твоей грязи у меня все шкуры попортятся.

Только сейчас Массимо обратил внимание, что они находились в кожевенной мастерской. Не в городе, нет.

Кожевники жили в городе, а вот работали они как раз за городом. Уж больно смердели их дубильные чаны. Потому

градоправитель в обязательном порядке отправил кожевников и углежогов за городские стены, за что и был нежно любим населением и ненавидим кожевниками. Но... воняло ж!

Воняло и сейчас. Только аромат Массимо с лихвой перекрывал вонь чанов с едкими веществами и сохнувших бычьих шкур на распялках. От него пахло так, что...

А как может пахнуть после такого долгого запоя?

Мужчина вздохнул и направился к бочке. Мыться и еще раз мыться.

Шернат ждал его в доме.

– Поговорим?

– Да.

От Массимо после экзекуции все еще попахивало, да и бороду с волосами подстричь не мешало бы, но сейчас от него бы лошади не шарахались.

Тимус кивнул на стол.

– Много тебе нельзя, но бульончик попей. А я пока расскажу.

Желудок Массимо отозвался на слово «бульончик» нежным урчанием. Ольтрат и не заметил, как уговорил большую миску. Тимус смотрел строго.

– Можешь теперь разговаривать?

– Да.

– Тогда слушай. Когда Маришка умерла, Роман был сам не свой. Ходил как чумной, но запивать горе не пытался, у меня не забалуешь. А зря...

– Зря? – искренне удивился Массимо.

– Запил бы – жив остался. А он решил найти тех, кто убил Мариль.

Массимо напрягся.

– И?!

– Нашел. Только не он их, а они его. Видимо.

– Рассказывай, – попросил Массимо. И превратился в слух.

А история вырисовывалась печальная. У Романа и Мариль все было серьезно: ребята пожениться собирались, любовь цвела пышным цветом, так что гибель любимой девушки Роман принять отказался. Нет, если бы Мариль, например, утонула в море или случайно погибла... случайно! Там – да! Воля Ардена, и никто не виноват.

А тут-то убийство!

И никто не может найти этих негодяев! Никто! Никому это не интересно!

Логическая цепочка оказалась простой.

Никто не может найти – никто не ищет – никому не нужно – я сам найду мерзавцев – Мариль не останется неотомщенной. Да, Храм Ардена не одобряет мести, считая, что Арден воздаст всем по заслугам.

После смерти достойных въелерины уведут по солнечным лучам, а недостойные души пожрет Ирион. Но во времена Морских Королей считалось иначе.

Если ты видишь несправедливость или зло – останови его.

Если не можешь остановить – отомсти, чтобы такого не повторялось впредь. А если ты отвернулся, то ты виновен и в том, что случилось, и в том, что случится. Ибо негодяй непойманный становится вдвое наглее.

Вот Роман и решил поймать, схватить и донести градоправителю. И пусть убийц казнят на площади. Ради такого случая он и сам топор в руки возьмет, что уж там!

Тимус видел, что сын чем-то занят, но наивно радовался. Все не запил, в море не бросается, о самоубийстве не говорит, понимает, что жизнь продолжаться должна...

Когда мальчишку нашли с перерезанной глоткой, тогда-то правда и выяснилась. Отцу Роман ничего не сказал, открылся только старшей сестре, с которой был близок. И та, дура безмозглая, нет бы вправить мальчишке мозги или хотя бы Тимусу сказать, он бы сам справился, поддержала сопляка в его начинаниях! Мол, ищи, Рома! Обязательно ищи!

Ревет теперь в три ручья, понимает, что наделала.

Она-то думала, что Роман побесится, да и успокоится, а там она ему и подружку новую подберет. У ее мужа кузина хорошенькая... ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

– Дура, – кратко высказался Массимо. – И?

– Тем вечером... он ведь ей все рассказывал, вот и тогда...

Пришел к ней Ромка мой весь веселый, довольный, говорит, пожелай мне удачи, я такое нашел... Она расспрашивать начала, а он рукой махнул – мол, времени нет, да и сбежал. Сказал, что может узнать, кто Маришку убил.

Массимо стиснул челюсти. Имя племяшки отдавалось ту-
пой болью в груди, под сердцем...

– Ты думаешь, он и правда кого-то нашел?

– Его нашли. За городской стеной, горло перерезано, а
ограбить не успели. Понимаешь, что это значит? Перстень,
кошель – все при нем осталось.

– Не грабили, не просто убили... нашел?

Сейчас Массимо было еще хуже. Он смутно помнил Ро-
мана через пьяную муть... и не смог не признаться Тимусу.

– А ведь Ромка и до меня пытался достучаться. Ты сказал
– сестра, а выходит, что и я не умнее. Коли б я не пил тогда,
что та лошадь, не пошел бы он один, уж я бы его прикрыл...

– Ага. Или лежали б вы там оба. Рядышком.

Доля истины в словах Тимуса была. И Массимо это пони-
мал. Но...

– На похороны я приду.

– И опять запьешь? Не хватит ли?

– А ты что предлагаешь?

Тимус опустил на столешницу сжатый кулак. Стол мягко
крякнул, хоть и был дубовым.

– Я сына никому прощать не собираюсь. Будь там хоть
Преотец, хоть король, а за мальчишку мне ответят.

– Тоже искать будешь?

– Будем. Вместе будем. Где ты чего услышишь, где я... а
там и разберемся. И... я их в живых не оставлю. Помогать
будешь?

– Тебе нельзя. У тебя семья, дети...

Массимо понимал, что выход тут только один.

Конечно, можно сейчас заявить: «Вот, как твоего-то ребенка коснулось, так мигом побежал», получить по морде от Тимуса, пойти и опять нажраться. Запросто. А потом и сдохнуть где-нибудь под забором, валяясь в пьяной блевотине.

А можно...

Можно попробовать узнать то же, что и Ромка.

Уж если малолетний сопляк смог что-то раскопать, то они с Тимусом, двое умных мужиков, знающих, что почем в жизни, тем более справятся. А когда найдут тех, кто убил ребят...

– Я сам их убью, – тихо произнес Массимо.

– Что? – отвлекся от созерцания стола Тимус.

– Я. Сам. Их. Убью.

Тимус не стал спрашивать кого. И так понятно.

– Не доверяешь? Я хоть людям глотки и не резал, не наемничал, а все ж рука не дрогнет.

– Не потому, – отмахнулся Массимо. – Ты сам подумай. Убийство Маришки не первое, а результатов никаких нет. Ни слухов, ничего... значит, это кто-то высокий. Очень высокий. И Романа как-то быстро убрали... узнать бы, кто еще умер в городе, может, пойдем, с кем он должен был встретиться...

– Соображаешь, когда захочешь.

Массимо пожал плечами. А что тут сложного?

– Если это кто-то из тьеров – убивать должен я. И только я. У тебя дети, дело... ты из города никуда. А я перекасти-поле. Продам тебе свое имущество, да и поминай как звали. Не обидишь старика?

Тимус прищурился.

– Ну коли так...

– А иначе и не складывается. Прав ты, надо тех гадов искать, еще как надо! И взыскать с них за нашу малышню. Неповадно им будет детей убивать, попомнят они нас.

Глаза Массимо горели злыми огнями.

Мсть бесплодна?

Она иссушает и разрушает душу?

Скажите это тем, кто потерял своих близких. Скажите это, глядя в глаза отцу, у которого отняли ребенка. Попробуйте посмотреть в глаза страдающей матери. И, может быть, тогда придет понимание. И осознание разницы между мстью и справедливым возмездием.

Зло надо останавливать.

Иногда даже ценой собственной жизни.

Семейство Даверт

Луис попал домой только поздно вечером.

Точнее, сейчас он ехал домой. Конь чувствовал состояние всадника и осторожно переставлял длинные стройные ноги, косил по сторонам умным лиловым глазом, да и почти сам

выбирал дорогу.

И верно, Луис за сегодняшний день так вымотался, словно Тавальен на плечах держал.

В определенном смысле так оно и было.

Мало стать Преотцом. Надо еще удержаться.

А потому, как только Луис понял, что они с отцом сыграли первую партию, он тут же начал вторую. Дал сигнал братьям, и начались переговоры. Предварительные провели еще до вступления Даверта в должность, а вот теперь началась настоящая игра. Тавальен должен поддерживать своего Преотца, иначе... разное бывало. Очень разное.

От всех кинжалов и ядов не убережешься.

Поэтому на Эрико сегодня легли переговоры с купцами, Родригу навесил храмы, в которых поддерживали Давертов, и уже с обеда Тавальен слышал, как повезло Ардену, что Его интересы будет представлять такой замечательный Преотец. А сам Луис разговаривал с тьерами.

И лучше б он камни таскал!

Каких сил ему стоило сдержаться и не поубивать половину заносчивых ублюдков, которые смотрят на него сверху вниз!..

То есть смотрели бы, и цедили бы слова, и пытались бы... с Эрико и Родригу это проходило. А у него характер не тот, его лучше не трогать. Вспыхнет – не погасишь.

Самым заносчивым ублюдком Тавальена Луис считал себя. Причем и по происхождению, и по душевным качествам.

Да, он ублюдок! Незаконнорожденный, пусть потом отец и признал его! И плевать!

И он заносчив, а почему нет?

Что у тьеров есть такого, чего нет у него? Деньги? Он богаче многих! Слава? Умение обращаться с мечом или с женщинами? Смешно...

Большая часть сил у Луиса ушла не на убеждение, нет. Просто на то, чтобы не переубивать половину убеждаемых.

Но сейчас он хоть поспит пару часов...

Ага, как же!

От стены дома отделилась тень. Рука мужчины автоматически скользнула к рукояти меча. Мало ли кто там под ноги коню бросается... даже и с самыми лучшими намерениями!

– Монтьер Луис...

– Дим?!

Луис мгновенно узнал старого вояку. Но... что случилось? Он же должен быть в лесу?!

Дим склонил голову.

– Монтьер, мне надо вам рассказать. Произошел несчастный случай.

Луис огляделся по сторонам и кивнул на ближайший кабачок.

– Посидим там? С ног валюсь...

Другому он век бы такого не сказал, но это ведь Дим! Тот самый, который учил его держать меч, который фехтовал прутиком с юным Луисом, который так заковыристо ру-

гался, что братья специально прятались неподалеку, чтобы подслушать, который...

Короче, тот самый Дим, который неотъемлемая часть жизни, потому что Луис не помнил себя без него рядом.

Ему можно.

В кабачке было грязно, воняло прокисшим вином и мочой, кабатчик, жирная харя, почуяв добычу, бросился к новым клиентам, но Луис без пререканий швырнул ему золотой.

– Чтобы нас никто не беспокоил.

– Монтьер! Может, вина? Розовое атрейское, например? С истаунских виноградников?

Луис усмехнулся. Розовое атрейское?

Красное разбодяженное дешевым самогоном, так вернее.

– Не беспокоить.

Кабатчик понял намек и тут же испарился, словно и не подходил. Луис уселся за порезанный ножами грязный стол, стараясь не прислониться к нему одеждой – потом только выкинуть. Эту, с позволения сказать, мебель веками пивом поливали, не иначе.

Дим уселся напротив, посмотрел серьезно и грустно.

– Тьер Даверт, все плохо.

Луис мгновенно обратился в слух.

Дим коротко, не щадя себя, рассказал о попытке побега дурочки и объяснил, что из побега вышло. Луис внимательно слушал и все отчетливее понимал – плохо.

Очень плохо.

Тьера Эльнора придется убирать как можно скорее, а это не так просто.

Не бойся грешным быть, но бойся грешным слыть. Высокая политика, Ирион ее сожри! Если Эльнор погибнет в ближайшую пару месяцев, Эттану не отмыться. То ли он убил, то ли по его приказу убили, но история-то была?!

Отрицает?

Точно была!

И ведь предстоящий в жизни не поверит, что его дочь пострадала по своей собственной дурости. Луис в три этажа мысленно обругал сочинителей дамских романов.

Ну да, там обязательно будет героиня, которая переживет кучу приключений, потом выйдет замуж за своего принца и будет жить долго и счастливо, Лу тоже читает такую дребедень, но, во имя Ардена, кто, вот кто сказал дурочкам, что они – главные герои в сказке?! В любой?!

Жизнь – она вообще на сказку не похожа, грязное это место, и дело грязное.

– Ты уезжаешь из города?

Луис не был глуп, а уж построить простейшую логическую цепочку – минутное дело.

Мелания мертва – Эттан не простит – лучший способ помириться с Эльнором или хотя бы потянуть время – выдать ему виновных головой – виновен Дим, в том числе – значит, надо бежать и прятаться. И подальше, подальше.

– Семья уже уехала. Я задержался, чтобы предупредить вас, монтьер.

Луис кивнул. Преданность он ценил, но сейчас... чем он мог ответить? Только снять с пояса тяжелый кошелек. Того, что там лежало золотом, хватит крестьянской семье на пару лет скромной жизни.

– Вот. Возьми.

– Не стоит, монтьер.

– Деньги лишними не бывают, Дим. У тебя дети...

Старый вояка поколебался, а потом принял кошелек.

– Благодарю, монтьер.

– Да, и это тоже.

Перстень с изумрудом лег поверх кошелька.

– На черный день.

– И снова благодарю, монтьер.

– Уходи, Дим. Завтра я отвечу отцу, что ничего не знаю о тебе, и это будет правдой.

Кошелек и перстень незаметно исчезли в кармане Дима. Мужчина поднялся из-за стола. Задержался, глядя на Луиса, шевельнул губами, словно хотел что-то сказать, но так и не решился. Протянутая рука повисла в воздухе. Дим четко, словно на параде, отдал честь – и вышел вон.

Луис проводил его взглядом, потом хлебнул из кубка, закашлялся...

Мерзость...

Вино полностью соответствовало его душевному состоя-

нию.

* * *

Детство Луиса нельзя было назвать теплым и радостным. Ему пять лет, и мама подарила щенка.

– Это твой пес, малыш мой. Как ты его назовешь?

Щенок смешной, белый, с черным пятнышком на лбу. У него толстые лапы и потешная смешная мордаха, на которой словно расплывается улыбка. Маленькие молочные зубы, забавная манера припадать на передние лапки и вилять хвостиком на толстой попе.

Луис даже не колеблется, он уже обожает щенка всей детской душой.

– Принц! Я назову его Принц!

И свеженареченный Принц пускает желтую струйку на одеяло. И мама смеется, весело, легко, беззаботно...

Луис счастлив этим утром, целых два часа счастлив...

А потом приходит отец.

Тьер Эттан не в духе, но мальчик не замечает, он просто спешит поделиться радостью. Это ведь так здорово...

– Папа! А мне подарили щенка! Вот!!!

Эттан меряет презрительным взглядом и мальчика, и щенка.

– Это что такое?

Вальера возникает рядом, стремясь защитить сына, но

безжалостная рука уже поднимает щенка за шкуру. Тот визжит, сучит лапами... Луис хочет броситься вперед, отнять своего друга, но рука матери ложится ему на плечо, пальцы сжимаются стальными клещами.

– Папа!

Эттан брезгливо встряхивает животное.

– Собака должна быть зверем. А это что?!

Щенок летит к ногам Луиса. Жалобно визжит, прижимается в попытке защититься, потом вспоминает, что у него есть друг – и нелепо, по-щенячьи ошетинивается.

И получает сильный удар сапогом.

– Если зверь скалит клыки на хозяина, его наказывают.

Эттан с отвращением глядит на Вальеру.

– Зайдешь ко мне. Мы с тобой еще поговорим. А эту дрянь – утопить. И немедленно.

Луис до крови прикусывает губу, слыша тихий голос матери.

– Да, монтьер.

Эттан чуть смягчается.

– Прикажи Диму и иди ко мне.

– Вы позволите мне проводить ребенка в его комнаты, монтьер?

– Да.

Эттан разворачивается и выходит. Луис умоляюще смотрит на маму.

– Утопить? Принца?

Ласковая рука ложится ему на голову.

– Малыш, ты сейчас пойдешь со щенком к Диму и попросишь его. Принц должен исчезнуть из нашего дома, ты же понимаешь?

Луис кивает. Кто сказал, что в пять лет дети глупы? Луис отлично понимает, что хочет сказать ему мама.

– Да, мама. Я пойду и попрошу, чтобы он избавил нас от этого отродья.

– А я пойду к твоему отцу.

Луис крепко сжимает маленькие кулачки.

О, он усвоит урок, хотя и не так, как хотел тьер Даверт. Он поднимает щенка на руки, осторожно прощупывает мягкий животик, лапки... все в порядке. Эттан бил хоть и сильно, но малыш был слишком далеко, ему досталось уже на излете. Щенок не пострадал так, как мог бы, окажись он всего на шаг ближе к Эттану. Принц извивается в руках хозяина, лижет ему лицо и руки, слизывает соленые капельки слез...

Больше всего сил требуется Луису, чтобы отдать щенка Диму и объяснить, что отец приказал его утопить. И никогда больше не видеть. Дим понимающе кивает.

– Разумеется, приказы тьера не должны оспариваться. Обещаю, больше он этого щенка не увидит.

Он и не увидел.

Зато увидел синяк на щеке у матери, когда та вернулась из отцовских покоев.

Как-то, спустя примерно полгода, Дим специально провел

Луиса мимо своего дома. Кажется, они ехали за город... Там, во дворе, лежал здоровущий белый пес. Он вырос, стал лохматым и серьезным, и черное пятнышко на лбу у него уже не казалось смешным.

Но это все же был Принц. Здоровый, счастливый, забывший Луиса... мальчик очень на это надеялся.

Урок первый – ты никого не сможешь защитить.

Урок второй – лучшее, что ты можешь сделать для других, – не привязываться к ним.

Урок третий – никогда не показывай своей слабости.

Луис запомнил.

Если бы кто-то спросил его, из-за чего он помогает Диму, он ответил бы – старик был предан нам. Да и не так тяжела его вина, чтобы казнить, а Эттан жалости не знает. На самом же деле...

Луис не забыл понимание в теплых карих глазах старого воина. Просто понимание. Ни слова осуждения, ничего, Дим пожалел мальчика и его щенка и подарил счастливую и спокойную жизнь хотя бы одному из них, а это дорогого стоило.

– Монтьер, вы так печальны...

Луис вскинул глаза.

Рядом с ним стояла дешевая шляха. Рыжие, крашенные белоцветкой¹¹ волосы падали на плечи, но сквозь пышно взбитые пряди видны были залысины. Дряблая, покрытая

¹¹ Местное название лавсонии неколючей, из которой и получается хна. (Прим. авт.)

оспинами кожа густо намазана румянами, кровавой раной улыбался напوماженный рот, красное платье спущено с плеч так, что в вырезе виднелись соски...

Луис отмахнулся:

– Пошла прочь.

Шлюха поджала губы, но отошла. Глупой она не была, глупые на улице долго не выживают. Луис пошарил по карманам, бросил на стол пару монет, не глядя, и вышел вон.

Холодный воздух мягко обнял за плечи, освежая разгоряченное лицо.

Будь оно все проклято, кто решил за него?!

За него, за Родригу, Эрико, Лу...

Почему он не может просто все бросить и уехать? Оставить отца одного барахтаться в этой грязи, пусть сам бы и выплывал... но в глубине души Луис знал ответ.

Власть.

Власть манила его так же, как и Эттана. И если он сможет получить ее только через Преотца – так тому и быть. А значит...

Урок второй – лучшее, что ты можешь сделать для других, – это не привязываться к ним.

Сейчас он освободился еще от одной привязанности.

* * *

Дим недооценил своего напарника.

Умирать мужчине не хотелось, сдаваться на милость Давертов тем более, а бежать из Тавальена с пустыми руками? Увольте!

Сэм Вурст хорошо владел мечом и отличался отсутствием всяких моральных принципов, за что и попал на службу к Давертам. Он отлично понимал, что промашку Эттан не простит. Но...

И пес с ним, с прощением. Пусть Давертов хоть Ирион сожрет, не важно! Лично ему нужно позаботиться о себе.

Сэм был холост, не особо богат и все свое имущество, все награды пока оборачивал в деньги, которые размещал у знакомого ювелира. Эти деньги он получит векселями на предъявителя или побрякушками, но хорошо бы и еще заработать.

Кто такая Мелания, он знал, где искать предстоящего Эльнора – тоже, а потому...

Предстоящий сильно удивился, получив записку, но в конверт была вложена лента тьерины Мелании, так что приняли Сэма незамедлительно.

Войдя в комнату, Сэм понял, что предстоящий был готов ко всему.

Он явно спал – волосы взъерошены, на щеке след от подушки, щетина пробила, но в то же время кто спит в полном облачении, из-под которого виднеются кожаные штаны для верховой езды?

Только тот, кто понимает, что в следующую минуту, возможно, придется бежать.

– Кто ты такой и что тебе надо?

Сэм, недолго думая, взял быка за рога.

– Сколько вы заплатите мне за известия о вашей дочери?

Эльнор побледнел.

– Что с Меланией?

Но он и сам уже видел и выражение лица Сэма, и опущенные глаза, и носок сапога, ковыряющий пол...

– Она жива?

Ответом ему стало короткое:

– Нет.

Эльнор побледнел, ухватился за угол стола, но на ногах устоял. Мелли, Мелли, моя золотоволосая наивная девочка! Я так подвел тебя! Ты привыкла, что папа защитит тебя от всего мира, а я вот не справился, не успел, не смог... Даверты мне за тебя ответят! Но как?!

– Как это произошло?

– Нас было двое. Мой напарник хотел изнасиловать ее, тьерица вырвалась и попробовала сбежать. Он выстрелил... это был несчастный случай.

– Несчастный случай. Мелли. Случай...

Выражение лица Эльнора было таким, что на месте Даверта Сэм сильно опасался бы за свою спину. Трагический рассказ, кстати, имел под собой вполне практическую подоплеку. Сэм мог бы рассказать правду, но тогда он тоже виноват, и платить тут не за что. Неправильный подход. А вот если напарник виноват, а он такой белый и пушистый, это

всяко лучше. А еще хорошо, чтобы сильно занятый Даверт не искал Сэма.

Чем его занять?

Да сравнить двух львов. Пока они дерутся, скромный шакал вполне успеет удрать с добычей.

Так что Сэм рассказывал, как напарник подбивал его изнасловать тьерину, как Сэм отказывался, как стоило ему отойти по нужде – и тот проник в дом, как Сэм услышал крики тьерины и бросился на помощь, как его оглушили ударом в челюсть – синяк тоже был, для правдоподобия Сэм лично об стол приложился, чуть зубы не вылетели. И как Дим стрелял в тьерину и удачно попал прямо в глаз...

Эльнор слушал молча, только желваки гуляли. А потом отцепил от пояса кошелек.

– Этого тебе хватит.

Сэм молча принял деньги, взвесил кошелек на руке. Да, там явно не медь.

– Благодарю, предстоящий.

– Я вызову секретаря, он запишет твой рассказ. И – убийся.

– Да, предстоящий.

Сэм повиновался и пересказал все еще и секретарю – молодому сопляку лет двадцати, который едва не плакал, слушая о последних минутах жизни тьерины. Влюбился, что ли?

Болван!

Кошелек приятно грел карман.

Сэм не собирался возвращаться в Тавальен и не собирался давать Эттану возможность найти его. Уже завтра утром он будет далеко отсюда, с другими бумагами и даже другой внешностью. Купит краску для волос, сбрит бороду...

Пусть львы загрызут друг друга. Ирион в помощь!

Герцогесса Карнавон

Таня, хотя нет, уже Алаис, лежала на кровати, изображая трупик в коматозе. А заодно прислушиваясь к сплетням.

О да.

Сплетни и слухи тьер Таламир ей обеспечил с лихвой. И Алаис мечтала поблагодарить его лично. Скальпелем в пещень. Ей-ей, чем дальше, тем больше она понимала доктора Лектера и даже начинала одобрять его принципы.

После памятного ночного разговора на следующий же день Таламир почтил ее своим присутствием. Алаис даже в порядок себя привести не успела, но оно и к лучшему. Судя по отражению в маленьком зеркальце, в гроб здесь клали куда как краше. Сама Алаис выглядела... выставить на огород, так вороны и за прошлый год урожай вернут. Волосы слиплись и обвисли, глаза запали, губы искусаны, щеки ввалились, а нежно-пепельный цвет кожи навел на мысли о зомби-ферме.

Восхитительная красота. Безусловная.

Таламир тоже оценил, как и суповой набор под рубашкой,

покривился...

– Дражайшая невеста, я решил, что служанки – неподходящая для вас компания. Полагаю, эти милые дамы подойдут вам в качестве фрейлин.

Взмах руки – и Алаис предъявили четырех...

Корректное название пришло на ум не сразу, а то, что пришло, цензура все равно вырезала бы на первом же этапе. Скажем так, четырех весьма потасканных и потрепанных жизнью девушек легкого поведения из армейской obsługi.

Кричащие платья, боевая раскраска и жутковатые прически говорили сами за себя.

Что бы сделала истинная герцогесса?

Устроила скандал. Алаис была не сильна в местных этикетах, но смутно подозревала, что даже находиться рядом с армейской шлюхой – уже позор. А уж взять их в свои дамы?..

Это даже не унижение, это просто издевка.

Алаис взмахнула рукой.

– Воля моего жениха – закон для меня. Верю, вы не подвергнете нашу честь испытанию. Милые дамы, прошу вас, располагайтесь. Как видите, я пока слишком слаба, но буду рада узнать вас получше, когда приду в себя.

Даже недолгая речь и усилие, которое Алаис сделала, чтобы приподняться, свалили ее обратно.

Таламир осмотрел невесту придиричивым взглядом, но к чему придраться – не нашел. Падать в обморок дамы могут по заказу, верно, но обливаться потом, задыхаться от усилий

и зеленеть – нет. Тут не о таланте речь, а о даре Ардена. Так что Таламир кивнул.

– Так и поступайте впредь, дражайшая невеста.

– Ваши слова – закон, монтьер, – Алаис почти уже шептала, ей действительно было плохо.

Захлопотала рядом служанка, поднося к губам девушки воду с вином. Таламир кивнул, да и вышел вон. А девицы остались.

Только вот об обязанностях фрейлин они имели весьма смутное представление, а просвещать их у Алаис не нашлось ни сил, ни желания. Понятно же, что приставили гибрид из шпионок и надсмотрщиц, так и будем их воспринимать.

Что должна делать фрейлина?

Состоять при своей госпоже. Круглосуточно, неотлучно, для поручений и неотложных дел. Для чего могут понадобиться аж четыре шлюхи?

Алаис цинично подумала, что столько дел во всем замке не наберется. Даже если все мужики в три смены пахать будут, дамы возьмут опытом.

Сначала девки переговаривались достаточно робко, но потом осмелели – и исправно снабжали Алаис бесценной информацией.

О чем могут говорить шлюхи?

Да, о работе.

О ее оплате, о том, кто и как себя ведет в постели, откуда пришло войско, куда собирается... Слова – самые страшные

предатели. Ты говоришь одно, а слышат-то другое. Совсем другое.

Девицы обсуждали некоего Шельти и то, сколько он платит за ночь, а Алаис слышала совсем другое.

Если этот солдат раньше давал по серебрушке за ночь, то последний раз девице перепало четыре медяка и кусок ткани. Мало...

Если раньше в котлах каждый день было мясо, то сейчас оно сменилось на мясо три раза в неделю.

Вывод?

Таламир не получил много денег от разграбления Карнавоны. Некоторую сумму безусловно, но какую? Если вынужден экономить на самом святом, на солдатах? И отдал часть добычи натурпродуктами?

Кажется, деньги Карнавоны ему не достались. Или не все. Например, первая сокровищница. Первая?! Минуту...

Покопавшись в памяти, девушка выяснила, что у Карнавоны имелось несколько сокровищниц. Первая – самая простая и обыденная. Там хранилось серебро, немного золота, немного драгоценностей – одним словом, на повседневные расходы. Вторая, третья, четвертая, пятая спрятаны лучше. Золото и драгоценные камни хранились уже в них. И доступ туда был только герцогам и членам их семей. Про первую сокровищницу Таламиру рассказать могли, а вот про остальные? Карнавоны свято исповедовали принцип не держать все яйца в одной корзинке, так что если Таламир и на-

шел бы одну... ну не все же! А сдать места... Да, родичи могли, но Алаис казалось, что они этого не сделали. Если бы рассказали – Таламир бы точно не бедствовал. По памяти Алаис там хватит кормить три таких войска лет десять и еще на бутербродики с икрой останется.

И последняя сокровищница. Спрятанная лучше всех. Там и хранились подлинные реликвии Дома Карнавон. Корона герцога, с подлинным сапфиром, полученным из рук Морского Короля, скипетр, герцогский перстень – подлинный, не та подделка, что была на руке у отца.

Пока правили Морские Короли, герцоги носили подлинные реликвии, потому что тех обмануть не получилось бы. После смерти последнего Короля разразилась война, в которой Великий Дом Лаис утратил свои реликвии, и где они – до сих пор неизвестно.

Зато предки Алаис были людьми сообразительными и все самое ценное попрятали. Изготовили дубликаты, которые и носили на людях, а подлинными реликвиями вводили в право наследования и опять убирали их обратно.

Целее будут.

Алаис знала, что в самой дальней и тайной сокровищнице хранятся дневники того самого прадеда, который получил наказ Морского Короля. С ними ознакомили бы старшего брата в день смерти отца, с ними был знаком отец. Сама Алаис до них добраться не могла, только до библиотечной версии, с купюрами и правками.

Может, сейчас доберемся?

Книголюб в глубине души Алаис жадно потер ручонки, надеясь на интересное и познавательное чтение, но девушка тут же придавила каблуком неуместную инициативу.

С ума сошла, идиотка? Такой подарок Таламиру преподнести?! Счастлив будет, не забудет!

Действительно, добираться до сокровищницы сложно, она находилась под замком, в одном из скальных переходов, причем никакой двери там не существовало. Надо было нажать на несколько камней в нужном порядке – тогда приводилась в действие система противовесов, и каменная плита отъезжала в сторону. Алаис помнила, что, где и как, это знали все дети герцога, но где ж взять полдня на то, чтобы добраться, прочитать и вернуться?

Если она сейчас пропадет, Таламир ей ноги вырвет. И необязательно в переносном смысле.

– ...вы согласны, герцогесса?

– Да-да, дорогая, продолжайте, ваши истории весьма познавательны. – Алаис сделала слабый жест рукой, показывая, что внимательно слушает.

Девицы выглядели так, словно червяка сглотнули. Кажется, она не с тем согласилась... или не так? Или ее уесть хотели?

Ее?!

Ну-ну.

Алаис опять изобразила умирающего лебедя и откинулась

на подушки. Ох, чего-то худо мне...

Ей и правда было плоховато, но не настолько, как показывала. Ничего, в целях самосохранения лучше побыть грязной, вонючей и больной, авось хоть супружеский долг до свадьбы не требуют.

И верно, в глазах Таламира читалось явное отвращение. Пожалел, небось, уже, что ее сестру солдатне отдал... ничего, припомним. Алаис мысленно пообещала себе, что она Таламира тоже пожалеет. Чем-нибудь потяжелее.

– Оставьте нас.

Девицы вымелись, словно испуганный курятник, с таким же изяществом и звуковым сопровождением. Алаис проводила их больными глазами.

– Монтьер...

– Лежите, Алаис, вы пока ужасно выглядите, – снизошел до комплимента Таламир.

– Ваша воля – закон, монтьер.

Алаис сделала вид, что приподнимает голову от подушки, – и тут же уронила ее обратно. От волос и кожи так потом шибало, что она сама морщилась. Наверняка мухи на подлете дохли. Спасибо тут хоть блох нету или они тоже от вкуса и запаха Алаис померши?..

Таламир хоть и кривил нос, но помирать не собирался.

– К свадьбе вы должны прийти в себя, Алаис.

– Когда, монтьер?

– Через пятнадцать дней.

– Монтьер! – ахнула Алаис вполне искренне.

– Что вас не устраивает?

Таламир интересовался с нотками надвигающейся грозы в голосе, но Алаис храбро захлопала глазками.

– Монтьер, как же так? Я же... я слишком слаба, я ничего не успею! А торжество должно быть на высшем уровне, все же вы становитесь герцогом Карнавон! Гости, стол, платье, храм... ох-х-х-х!

За голову она схватилась вполне искренне, потому что память Алаис внезапно развернулась во всю мощь и показала девушке, сколько всего надо бы сделать. Начиная с платья для невесты и кончая заказом бочек вина у виноторговцев и новой рясы для возносящего в храме Карнавонов.

Таламир ощутимо расслабился. Чего, интересно, он ожидал? Что его начнут умолять отложить торжество? Потому как траур и вообще, прилетит волшебник на ковре-самолете и выручит прекрасную принцессу из плена?

Ага, как же. Это в сказках. В жизни принцессе приходится все делать самой, да еще и волшебника пинать, чтобы двигался. У Бога, кроме твоих, рук нету, никто ничего за тебя не сделает.

– Платье возьмете вашей матери, просто перешьете. Скажите девкам, они помогут.

Алаис закивала.

– Как прикажете, монтьер.

Мысленно прикинула. Если кое-какие шмотки ее старше-

го брата на Таламира и налезут, то она в платье матери...

Ох, ёк!

Герцогиня отличалась золотыми волосами и синими глазами, шикарной фигурой и статью. А Алаис? Это все равно что моль покрасить масляной краской. Платья матери ей не подойдут ни по оттенку, ни по... да вообще никак не пойдут! Чучело огородное будет!

Но ей-то что? Фотографов тут не водится, а какое она впечатление произведет на Таламировых прихвостней? Да ей заранее плевать! Она здесь Баба-яга в тылу врага, так и отнесемся.

– Торжество будет очень скромным, не больше двух сотен гостей, запасов хватит, храм и так содержится в порядке...

Алаис промолчала, скромно кивая и думая, что этим вылезшее из грязи быдло и отличается от аристократии. Таламиру и в голову не придет, сколько всего надо для торжества – такому аристократов учат с детства.

– Скажите, Алаис, где ваш отец хранил деньги?

Алаис хлопнула глазами.

– В сокровищницах, монтьер.

– Сокровищницах? То есть их несколько?

Таламир аж вперед подался.

– Две, монтьер, – пискнула Алаис.

– Две?

– А...

– Одну я нашел. Где расположена вторая?

Алаис выглядела так, словно своими руками сдала врагу все козыри. Таламир усмехнулся, потрепал ее по щечке.

– Ты неплохо начала, девочка. Вот и не заставляй меня делать тебе больно.

И так он это произнес, что у Алаис внутри свернулся ледяной комок.

А ведь может. И сделает наверняка не потому, что она поступит как-то не так, нет. Просто он садист и сволочь, и унижать ему нравится. Особенно тех, кто по недомыслию родился в более благородной семье.

Алаис бросила взгляд на руку Таламира.

Вот оно...

Если посмотреть на ее руки, порода видна невооруженным взглядом. Тонкие длинные пальцы, овальные ногти, красивая форма кисти – эту руку лепили века естественного отбора. И рядом рука Таламира.

Красивая?

Крупная, сильная, но пальцы коротковаты, ногти квадратные, чуть загнутые, с черной каймой, заусенцы – то, на что он и внимания не обращает. Таламир красив красотой сильного, крупного животного, порочного животного, если такие бывают, его тело формировалось тяжким трудом и войной. Он не аристократ, он просто крестьянин, выбившийся в люди.

Это плохо?

Нет. В каждом роду был кто-то первый, который сказал:

«Я и есть великий предок!» Не так уж плохо стать основателем рода, беда, когда ты ради этого унижаешь и втоптываешь в грязь других. Просто потому, что не гордишься собой, нет, ты чувствуешь себя грязью, которая выползла в князи, а должен – выше князя. Невелик труд – унаследовать, но добиться...

– Вы меня не слушаете, Алаис?

Девушка вздохнула.

– Прошу прощения, монтьер. Я задумалась.

– И о чем же? – в голосе Таламира звенели грозовые раскаты, так что Алаис поспешила ответить со всей честностью:

– О том, что человек, который добился всего сам, своим умом, силой, честолюбием, стоит выше тех, кто получил многое просто по праву рождения.

У Таламира отвисла челюсть. Почти буквально.

Он видел, что Алаис не лжет, но... это настолько разительно отличалось от ожидаемого! Мужчина просто завис, как испорченный компьютер.

– Откуда такие мысли, дражайшая невеста?

– При дворе много кто кичится своими предками. А вы с полным правом можете заявить, что вы – основатель рода. Это тяжелее, но и намного почетнее... Они же похожи на репу.

– То есть?

– Все самое лучшее у них уже в земле, – повторила Алаис за Ломоносовым.

Таламир от души расхохотался.

– Репа! Вот даже как! Репа!!!

И вдруг резко перестал смеяться, уставился в глаза девушки...

– Рассчитываешь оказаться при дворе?

Алаис резко замотала головой – и со стоном повалилась на подушки. Боль так стрельнула в виски, что лучше б она головой об стену долбанулась.

– Ни за что. Отравят!

– И кто же?

Алаис смотрела мученическими глазами, и Таламир кивнул.

– Да, понимаю. Вот уж не ожидал найти в тебе нечто... подобное.

«Полезное? – рассвирепела внутри тельца Алаис юрист с двадцатилетним стажем. – Конечно, не ожидал, откуда у этой овечки такие мысли?! Главное, не показаться слишком умной...»

– Наверняка у вас есть завистники, монтьер...

Про королеву скромно промолчим, сам поймет, если не дурак. А не дурак ведь.

Кажется, Таламир понял, потому что сильно потянул за белую прядь.

– Думать об этом – мое дело, твое – выполнять приказания.

– Да, монтьер.

– Свадьба через пятнадцать дней.

– Да, монтьер.

Пятнадцать дней? Должно хватить для подготовки побега.

Ну а если нет...

Веками женщины справлялись с этой проблемой. Ляг на спину и думай о родине. Вот и подумаем.

– Итак, где вторая сокровищница?

Одну из сокровищниц Алаис выдала без зазрения совести. Все равно Таламир не поверит, что нашел все захоронки, и будет копать дальше. Вот и пусть копает. Она ему выдала не самую старую, вовсе не страшную, в которой нет ни секретов, ни ловушек. А есть и такие.

Таламир выслушал, кивнул, потрепал Алаис по щечке и ушел. А девушка осталась сидеть и размышлять.

О, с каким бы удовольствием она выдала Таламиру ту сокровищницу, в которой при входе переворачивается плита – и тело, уже тело, летит навстречу острым кольям, смазанным ядом! Она бы даже посетила это место и полюбовалась приятным зрелищем, но здесь и сейчас ей выгоден живой и здоровый Таламир. Пока она слишком слаба и сбежать не успеет. Случись что с Таламиром – в лучшем варианте появится неформальный лидер, и ее возьмут замуж, чтобы занять место почившего жениха. В худшем – вылюбят всем войском или вообще убьют.

Итак, есть две недели на поправку здоровья и разработку идеального плана бегства. Действительно идеального, пото-

му что второй возможности уже не будет.

Нужно знать, куда бежать, что брать с собой... хотя последнее проще всего. Только немного денег и одежду.

Герцогские реликвии в безопасности здесь, какие-то книги заведомо бесполезны...

Вопрос: чем будем на жизнь зарабатывать?

Что-то подсказывало девушке, что ни биология, ни юриспруденция тут не в цене, а в мире натурального хозяйства ее навыки по засовыванию полуфабрикатов в микроволновку не пройдут за отсутствием таковой.

Увы...

Готовить Алаис и в бытность свою Таней не умела, да и не для кого было. Семьи-то нет, а одинокая женщина – это существо, которое питается в основном кофе, сигаретами и надеждами на лучшее. Не слишком полезно для цвета лица, зато фигура идеальная. Так что жирный минус.

Стирка?

Что-то подсказывало Алаис, что пневмония будет у нее частой гостьей.

Уборка?

Да, пожалуй. Вот оттирать грязь она может, но не хочется! Откровенно не хочется. А что еще? Еще-то она что может?

Разве что вязать. Это – да, сколько угодно, научилась после того, как поймала себя на обгрызании ногтя. Ждешь любимого вечерами, ждешь, а он все не идет и не идет. Вот и начинаешь нервничать, грызть ногти, а маникюр-то жалко!

Пришлось взяться за спицы.

Только вот ничего нового она в этот мир не принесет, кроме кружевных салфеточек. Да и ценятся ли они тут?

Опять же вязание – дело долгое, им на ходу не займешься. Надо место, где сесть, спицы, пряжу купить, да и будут ли ее изделия пользоваться спросом? Ох, не факт. И вообще, вязание – не открытие. Говорят, оно еще у египтян было, так что в местном Средневековье точно есть.

Надо сесть, подумать, что она может еще предложить.

Мода? Фасоны?

Вполне реально. Какая-нибудь модистка или ателье, лавки, как они здесь называются, могут принять ее на работу. Только вот беда, платят там копейки. Выжить хватит, а удрать – уже нет. Да и не привыкла Алаис жить на одну зарплату. Даже в бытность ее Таней любовник помогал и поддерживал. А уж герцогесса...

Алаис точно знала, что быстро себя выдаст.

Книг мало для нормальной жизни в окружающем мире. Требовалось первое – удрать куда подальше. Второе – найти быстрый, относительно легкий и легальный способ заработка (да, и киллерство тоже не предлагать, сил не хватит). Третье – изменить внешность. Четвертое – придумать легенду, которая объяснит все странности в ее поведении. И пока она не продумает второй, третий и четвертый пункты, о первом можно и не думать. Все равно бессмысленно. Бежать, чтобы тебя поймали?

Мы не в дамском романе. Тут, если поймают, шлепком по попе или головокружительным сексом не ограничатся. Таламир таких шуток не поймет, и писец придет и Алаис, и всем ее планам.

Эх, и почему она не Алита?

Та хоть красавицей была...

Моральных тормозов у Алаис особо не было. После работы в администрации? Тормоза? Моральные?! Ну-ну... Она точно знала, что иногда приходится расплачиваться и своим телом в том числе, готова была пойти на это, но... В случае честной и выгодной для нее сделки. И никак иначе.

Некрасиво звучит?

А выглядит еще хуже. Только вот жить хочется.

Алаис лежала на кровати, слушала сорочью трескотню четырех шлюх и думала, что это ей за ту жизнь. Тогда она все делала только для себя. Жила, как ей нравится, гуляла, с кем хотела и как хотела, даже детей не родила...

Вот и получи.

Здесь никто и ничего для тебя делать не станет, а детей рожать придется. Точно. Таламир – мужчина конкретный... Ладно! И на девятом месяце сбежим, если понадобится, но не хотелось бы так рисковать собой, лучше раньше.

Но как жить, где жить и на что?

Голова шла кругом.

Глава 4

Семейство Даверт

Эттан пребывал в состоянии бешенства. То есть был опасен и для своих, и для чужих. Луис уже получил под дых и теперь старался не сблевануть, Вальера с дочерью спрятались, а братьям Луис сам наказал не появляться дома еще пару дней.

Причина бешенства Преотца сейчас лежала на столе, накрытая роскошной шелковой скатертью, и слегка пованивала. Сутки в лесу, жаркая погода, закрытый дом – нетленностью тьерина Мелания не отличалась.

- Как это могло случиться?!
- Судя по ране – несчастный случай. – Луис пытался дышать медленно и ровно, но получалось плохо.
- Что с караульными?
- Сбежали.
- Найти и наказать.
- Да, отец.
- Сделать с ними то же самое, – кивок в сторону трупа не оставлял сомнений, – и тела в муравейник зарыть, чтобы и следа на земле не осталось. Недоумки!
- Вы же все равно хотели убирать Эльнора?

В Луиса полетел бокал с вином. Мужчина привычно уклонился, и алое пятно расплылось на золотистом шелке обивки комнаты.

– Болван! За полгода он такого наворотит... придется убить его сейчас!

– Как прикажете, отец.

– А я хотел выдать его дочку за Эрико. Приданое нам было бы кстати...

Луис мысленно содрогнулся. Интересно, а за него еще никого выдать не хотели?

Словно подслушав его мысли, Эттан тряхнул головой.

– Тебя, кстати, тоже надо сговаривать. Пора бы уже, да и для Лу жениха приглядывать.

– Так что с предстоящим Эльнором? – невинно уточнил Луис, понимая, что гроза прошла мимо.

– Позови ко мне Эрико. Пусть подстережет его на обратной дороге, ну и... – выразительный жест Эттана Луис оценил. Но – Эрико?

– Может, лучше я?

– Ты мне нужен в Тавальене.

– Да, отец.

Эттан прошелся по комнате, шелестя полами голубой мантии.

– Чтобы Эрико срочно был здесь. Прикажи разыскать его и возвращайся. Нам надо посоветоваться. Есть такой предстоящий Тинур...

По поводу предстоящей акции Луис ничего не испытывал. Вот тьерину Меланию ему было жалко — угодила соплюшка в жернова, не зная ничего ни о жизни, ни о... да о чем могут знать монастырские воспитанницы? Есть, конечно, обители, где нравы более чем вольные, но Луис подозревал, что это не тот случай.

Был.

А предстоящий Тинур...

Вы всерьез думаете, что можно подняться до высокого поста в Храме Ардена и остаться порядочным человеком? Серьезно?

Никого не предать, не подставить, не солгать, не ударить в спину, не... не... не... Луис-то отлично знал, как приходилось изворачиваться его отцу. Там бы штопор прямым показался!

Так что...

Предстоящим больше, предстоящим меньше.

А где искать этого конкретного предстоящего, Луис отлично знал. В борделе тетушки Клио.

А кто из нас без ма-аленьких слабостей?

Вот сегодняшняя слабость уважаемого предстоящего была на первый взгляд совсем юной. Луис только зубами скрипнул.

Клио посмотрела на Луиса, погладила его по плечу.

– Ты обо мне плохого не думай, это Крошка Мари.

Но о хорошем Луису почему-то не думалось. В борделе у Клио большинство комнаток были именно такими, с зеркалами. Где в стене, где на потолке.

А то, что через них можно было наблюдать за происходящим... Это знали только избранные. Вот предстоящий Тинур к таковым не относился, а Луис ходил в доверенных лицах у Клио.

– И что?

Луис смотрел и думал, что Лу не намного старше. А если бы ее... вот так... с плетью...

Убил бы!

Кровожадные размышления оборвал сильный толчок в плечо.

– Да что ты обо мне думаешь, бестолочь! – возмутилась хозяйка борделя. – Чтобы я ребенка этой твари подсунула?!

– А кого?

Луис и сам не заметил, как выдохнул.

– Сказано ж тебе, Крошка Мари. Так вот у девчонки сложилось, девятнадцать лет, а выглядит сопля соплей. Ни сисек, ни задницы...

Луис кивнул.

– Ладно. Клио, ты можешь приказать им подать вина?

Женщина замерла. Пристально посмотрела в лицо Луиса.

– Вина Тессани?

Род Тессани пользовался не самой доброй славой. Ученые – да, алхимики, лекари, но слава отравителей перебивала все остальное, как запах уборной забивает тонкий аромат дорогих духов.

Луис молча кивнул.

Клио покачала головой.

– Ты понимаешь...

– Да. Но действие будет дня через четыре. Тебя не запыдоэрят. Клянусь.

Клио вздохнула. Изобразила на лице глубокое раздумье.

Луис не мешал ей, отлично понимая, что это всего лишь игра. Но надо же дать женщине хотя бы вид возможности выбора?

Наконец Клио решилась и протянула руку.

– Давай сюда склянку.

Луис покачал головой.

– Клио...

Предупреждающего тона оказалось достаточно. Женщина скривила губки.

– Ладно. Сейчас я принесу кувшин с вином...

Стукнула дверь.

Луис остался один. И мысленно провалился в тот день, десять... да, уже десять лет назад. Арден милосердный, как же летит время...

– Мама, она такая...

– Да, милый? Она – это тьерина Велора?

Вальера с улыбкой смотрела на старшего сына, который восторженно размахивал руками, рассказывая, какая она – тьерина. Вот такая, и этакая, и еще нежная, и восторженная, и одухотворенная, и...

А что вы хотите? Первая любовь – такая штука. Критическое восприятие объекта стирается начисто, а эмоции брызжут фонтаном. Тут главное уклониться вовремя, чтобы... не забрызгало начисто. Поэтому Вальера выслушивала сына вполуха, пока не...

– ...предложение...

– Луис?

– Мам, ты думаешь, она мне откажет? Но я все-таки хоть и бастард, но признанный, и тьер...

Вальера только вздохнула.

Ну да, признанный. Такое тоже бывало.

Когда по каким-то причинам законных наследников в роду не оставалось, а у Эттана их быть не могло, глава семьи мог признать ребенка со стороны. Часто своего бастарда.

Окружающие все понимали, но закрывали глаза на мелкие неувязки. Разве можно усомниться в слове благородного тьера?

Ни за что!

Луис был полноправным тьером, просто по негласному табелю о рангах стоял чуть ниже законных детей. Да и Велора не крестьянка, а вполне себе тьерина из старинного рода, это тоже имело значение. Но – брак?

– Милый, а что скажет твой отец?

Луис мигом спустился с небес на землю.

– Эм-м-м... мам, а почему он должен быть против? Он же не хочет для меня карьеры в Храме Ардена?

– Нет. Эту участь он планирует для Родригу, а для тебя только военная карьера.

– И чем моей карьере помешает красивая и умная жена?

Вот насчет красивой Вальера не спорила, а умная...

Тьерина Велора была просто очередной молодой дурочкой, главным достоинством которой являлась красота. Выставить ее на брачном базаре у родителей денег хватило, а вот заинтересовать мужа чем-то еще, например приданым, уже нет. Оставалось надеяться на удачу, а пока все щенки Тавальена пребывали в восторге от златовласой красотишки. Сама Вальера гордилась своими смоляными локонами без единой седой ниточки (ну, может, и была парочка, но кто поспорит с пинцетом?), но признавала, что среди черноволосых, в большинстве своем тавальенцев, тьерина выглядит весьма эффектно. Да и вообще у лиардцев склонность к светловолосым красоткам. Вот жертвой этой склонности и пал Луис.

Но вслух Вальера ничего подобного не произнесла. На-

оборот.

– Луис милый, это надо обсудить с отцом.

– Мам, но ты же...

– Хорошо, я поговорю с ним. Но ты сам понимаешь, что ничего обещать я не могу.

Луис послушно кивает.

Вальера смотрит на сына, глаза которого горят первой щенячьей любовью, и грустно вздыхает.

Если она хоть немного знает Эттана (еще бы ей не знать за столько лет-то), Луиса ждет жестокое разочарование. Эттан твердо уверен, что у детей должны быть только его интересы. Что дети вообще рождены для того, чтобы проводить его волю в жизнь. А любовь?.. Жена?..

Нет, что-то подсказывало Вальере, что у Эттана на сына другие планы. Близкая свадьба там вряд ли значится, тем более на красивой бесприданнице...

Но Эттан умудряется в очередной раз удивить и жену, и сына. Он абсолютно спокойно дает разрешение на брак Луиса. Мол, хочешь – женись, коли согласятся. И окрыленный мальчишка с головой кидается в любовь.

Тьерина Велора, поначалу с недоверием глядящая на поклонника, постепенно смягчается, начинает принимать его знаки внимания, потом соглашается на брак...

Вальера вытирает слезинки, глядя на стоящего в храме сына. Высокого, красивого, и рядом с ним очаровательная тьерина в голубом, нежная, словно лепесток незабудки...

Целый месяц молодые были счастливы. Или даже два?

А потом Луис пришел домой в неурочное время. Так вышло: отец дал ему задание, но не рассчитал время, и Луис решил забежать к жене, а потом уже...

Лучше бы не забегал.

Велора оказалась дома не одна. И даже в постели не одна, а с его отцом. Счастье, что у Луиса хватило ума не вламываться с криком, решил сюрприз устроить...

Так и стоял под окном дурак дураком, зато с букетом, а в комнате ворковали двое.

Эттан рассказывал, как мечтал о своей очаровательной Велоре, а та отвечала, что полностью отдает себя в руки любимого. Ворковали, как голуби...

А Луис и замужество?

Ну... а как им еще можно было жить вместе? Хоть семья Велоры и была бедна, но связей там хватало, могли и Эттану определенные неприятности доставить. Уж шум бы точно на весь Тавальен пошел, а к чему будущему предстоящему, а то и Преотцу, такие пятна на репутации?

А тут все шито-крыто.

Замужем дочка, счастлива – и ладно. А что ребенок может быть не от мужа, даже скорее всего не от мужа, Велора была почти уверена...

Цветы Луис искрошил в мелкие лохмотья.

Поручение отца выполнил.

А потом пришел к матери и напился в ее покоях так, что

обо всем проговорился Вальере.

И та снова промолчала.

* * *

Второй раз Луис напился, когда его супруга умерла родами. Вальера боролась за ее жизнь до последнего, но спасти женщину не удалось. Ребенок тоже родился мертвым.

Луис не знал подробностей, да и не рвался их узнать. Ему было просто плохо и тошно.

А легко ли это – подозревать мать в убийстве своей супруги и ребенка?

Тессани... старый, очень старый род. И знаний у них много.

Луис никогда не спрашивал, Вальера никогда не рассказывала, но той ночью он напился в хлам, а проснувшись, обнаружил себя в постели у Клио. И... разрыдался.

От бессилия, слабости, боли...

Клио оказалась мудрой и доброй женщиной, она ничего не спрашивала, она просто напоила Луиса вином, утешила, как могла (да, и это – тоже метод утешения, кому что помогает), и рассказала о себе.

История Клио была проста до боли.

Деревенская девушка, богатый тьер, содержанка, ребенок, улица, проститутка... Дальше следовали пункты «канава» и «помойка», но пока Клио еще держалась. Сначала продала

все подарки покровителя, потом продавала себя, потому что больше продать было нечего, посылала деньги фермеру, у которого жил ее сын...

Кто-то мог бы и осудить. Но не Луис, который всего сутки назад держал на руках трупик младенца. Только не он.

Так вот мальчишки и становятся взрослыми. Было ему тогда восемнадцать, а стало...

Он не стал брать Клио на содержание. Он просто помог ей, как мог. Дал денег, предложил устроить швеей или служанкой, но Клио ничего не умела. Только продавать себя. И предпочитала это делать по высшей ставке.

Так и появился небольшой элитный бордельчик «У Клио», в котором не брезговали подработать и тьерины. Спокойствие, анонимность, высокое качество обслуживания – Клио отлично знала, кого надо брать на работу, а кого не надо, Луис поговорил с отцом, и Эттан ожидаемо заинтересовался. Побеседовал с Клио, помог деньгами, Луис обеспечил охрану – и бордель заработал. И приобрел за десять лет определенную известность.

Неудивительно, что предстоящий Тинур оказался именно здесь.

Бордель был незаменим для сбора компромата, сведений, а иногда и для таких своеобразных дел.

Вернувшаяся Клио с укором посмотрела на Луиса.

– Ты уверен?..

– Да. Вполне. Обещаю.

Женщина вздохнула и покорилась.

Собственно, а кто ей этот предстоящий? Ни сват ни брат...

Где они все были, когда она подыхала с голоду, когда себя продавала, чтобы на молоко ребенку заработать, когда под любого ложилась, воровала, пару раз и трупы обирать приходилось?

Что-то Храм Ардена ей тогда не помог! Только что блудницей честили и вслед плевали! И никто, никто руки не протянул, просто пользовались и шли по своим делам!

Сколько раз Клио молилась за Луиса, сколько раз благословляла тот момент, когда подобрала в таверне прилично одетого мальчишку в надежде на поживу, даже с рыжей Мег сцепиться пришлось... где сейчас та Мег? Давно уж померла от чахотки...

А она жива!

И сын ее жив, сейчас в Тавальене, в лавке у купца: пока бегают по всякой надобности, а там и приказчиком станет, выучится, свое дело откроет...

Отравить кого-то по приказу Луиса?!

Да она б и лично яд в глотку предстоящему влила, не поморщилась. Экая мелочь. Но показывать свое отношение Луису она не собиралась. Просто старший из сыновей Эттана Даверта всегда найдет у нее и помощь, и защиту, и поддержку, как бы смешно это ни звучало.

А сам Эттан...

Клио привычно передернула плечами. Ох... старый Даверт та еще мразь. О своей беседе с Эттаном и о недолгих встречах она вспоминала с ужасом и отвращением. Нравилось, нравилось Эттану ломать людей, подчинять их себе, калечить души... самое место такому в Храме.

Тьфу!

А потому капли были влиты в вино, и Клио лично отнесла кувшин в комнату, где предстоящий Тинур как раз отвалился от измученной девчонки.

Ничего, она потом Мари хорошо заплатит, а девчонке деньги нужны, у нее тоже ребенок в деревне. Девочка. А на что готова мать, чтобы ее ребенок не пошел по рукам...

Клио таких понимала и помогала. Потому и бордель у нее был неплохой, и тайна соблюдалась – каждая, хоть девушка, хоть служанка, каждая со своей не самой легкой судьбой, и каждая за место зубами держалась.

Предстоящий высосал враз чуть ли не полкувшина, а постепенно допил и остаток. Девушке вина не досталось, да Клио им и запрещала на работе. Потом хоть сколько высоси, но при клиенте ни капли не принимать! Клиентам-то подают и покрепче иногда, и с чем подмешанным, чтобы голова кругом пошла, а девке так нельзя, ей надо в трезвом рассудке пребывать. Так что...

Клио, вернувшись к Луису, наблюдала за Тинуром с тревогой.

– Точно у меня не околеет?

– Мое слово.

Клио кивнула.

– Ты сегодня у нас останешься? Подобрать кого на ночь?

Вопрос был привычным. Ответ – тоже.

– Останусь. Если оставишь.

Клио и Луис спали вместе, время от времени. Только вот от любви в этом ничего не было. Дружба, наверное...

Для Клио – благодарность. Для Луиса – еще один способ растопить ледяную глыбу, в которую десять лет назад смерзлось его сердце.

* * *

Эрико Даверт тем временем ждал.

Письмо предстоящему было отправлено, его приглашали забрать тьерину Меланию вечером, на том же месте. Эльнор согласился, остальное было делом техники.

Приставить мальчишку следить за его домом – как только начнутся сборы, пусть бежит к человеку Давертов, отряд, возглавляемый Эрико, выедет из города и встретит Эльнора на лесной дороге.

Один раз он уже попался, даст Арден – и второй раз стрела мимо не пролетит.

Но время шло и шло, а предстоящего все не было и не было. Эрико послал одного из своих людей понаблюдать за домом, и тот доложил, что предстоящий там. Ясно видно муж-

чину, который гуляет по комнатам, что-то приказывает, собирает...

Сам Эрико не пошел, а его посланец не знал в лицо предстоящего Эльнора.

Как не знал и того, что в доме ходит в одеждах предстоящего его доверенный слуга, что сам предстоящий выехал еще утром, и не через южные, а через северные ворота, что о смерти Мелании тьер Эльнор уже знал, что ждать Эрико мог до бесконечности...

Прождал он до утра, и совершенно напрасно. Эльнора как Ирион сожрал.

К тому же пошел мелкий гнусный дождь, Эрико вымок до костей, продрог и жалко хлюпал носом, представ пред ясны отцовские очи.

В отличие от него, Луис был доволен, весел и даже счастлив, имея вид объевшегося котяры. Клио позаботилась не только о девушках, но и о хорошем поваре, поэтому Луис был сыт и спокоен.

Эттан тоже радовался жизни.

Яды Вальеры сбоев не давали, предстоящий Тинур умрет через несколько дней от внутреннего кровотечения, и Клио в том не заподозрят.

А вот Эльнор...

Когда Эрико таки явился, Эттан даже бить его не стал, настолько жалко выглядел отпрыск. Только рявкнул, приказывая уйти с глаз долой, вот ведь угробище получилось – ни

дома оставить, ни в люди отправить, и посмотрел на Луиса.

- Займешься?
- Да, отец. Но если он сбежал...
- Оставив нам девчонку?
- Внебрачных дочерей может быть много, жизнь одна. Да и охрана...

Луис как раз мог предположить худшее. Если Дим предупредил его, где гарантия, что второй охранник не явился к Эльнору? Дурные вести летят быстро...

Эттан на миг задумался, а потом мотнул головой.

- Все равно. Выясни, и если он в Тавальене – убей. Я не собираюсь оставлять за спиной живых врагов.

- Да, отец. Позволишь?

- Иди. Благословляю тебя на благое дело во имя Ардена.

- Арнэ¹².

- Арнэ.

* * *

Разумеется, о визите Вурста Луис не узнал.

А вот о том, что предстоящий Эльнор уехал уже давно и след его остыл, – узнал очень быстро. Так что Эрико влетело вдвойне. И за то, что прошляпил, и за то, что Луис не успел. Что не прибавило юноше любви к брату.

¹² Аналог «Аминь», которым принято заканчивать молитву. (Прим. авт.)

Впрочем, в братскую любовь Луис и так не верил. Если и были у него родственники, то...

Были.

А сейчас нет. И точка.

Эльнора предстояло разыскивать и устранять на территории его храма, а это дорого, да и по усилиям куда как сложнее.

Чтоб его Ирион сожрал, гада! Это ж какая наглость – сначала лезть поперек планов тьера Даверта, а потом еще не дать себя убить! Ничего, и не до таких кинжал и яд добиралась, и ты исключением не будешь, мерзавец!

Род Карнавон

Каково это – готовиться к свадьбе, когда на ногах ты стоишь откровенно плохо, шатаешься на каждом шагу, из помощниц у тебя только четыре шлюхи, замок, мягко говоря, в раздразе после штурма, на шее орава голодных вояк, слуги – кого нет, а кто откровенно перешел на сторону победителя и отбил от рук, да еще ты ничем подобным никогда не занималась и знания у тебя чисто теоретические, из памяти Алаис Карнавон? Да и сама девчонка-то за матерью наблюдала, но ничего ведь не организовывала, предпочитая отсиживаться в библиотеке, книгой ее в фигу!

А у Тани был разве что опыт организации студенческих вечеринок, ну, как потолок – ресторан заказать под банкет.

А ведь сколько всего нужно!

Если бы Таламир просто хотел прослушать речь в храме, обменяться ожерельями¹³ и отправиться консумировать брак, было бы проще. Так нет же! Пир ему подавай! Для себя, для своих подчиненных и даже для солдат...

Зар-раза!

Чтоб тебе бюджеты на праздники во сне снились! И графа «расход» на туалетной бумаге печаталась!

Ну, с солдатами проще всего. Прямо у стен замка выкатить бочонки с вином, зажарить несколько коровьих и овечьих туш, хлеб, овощи, костры – и пусть до утра гуляют.

Проще?

А где взять эти туши? А почему? А дрова? А соль, специи, овощи? Кладовые в замке не безразмерные. Всю солдатню вкусняшками кормить, так на себя ничего не останется, стало быть, закупать по деревням, но у кого? И кто закупать поедет? На чем? А кто будет жарить? Кто приглядывать за костром, кто работать виночерпием, кто...

На втором десятке вопросов Алаис реально взвыла и потребовала себе лист пергамента и перо с чернилами. И погрузилась в планирование.

Понятно, что серьезный план так не набросает, но хоть приблизительно! Очень спасало то, что никаких соседей не

¹³ В храме Ардена жених и невеста надевают друг другу на шею ожерелья с жемчугом, давая понять, что отныне они муж и жена. Простонародье обходится одной жемчужиной на веревочке, у знати может быть хоть кольцо в пять рядов. (Прим. авт.)

будет. Кто ж поедет к захватчику?

Конечно, Таламир эти земли получил «совершенно законно», от короля, а теперь еще и браком их к себе привяжет, но все равно, добрососедские визиты – дело будущего. Это даже сам Таламир понимал, а потому от Алаис много не требовалось.

Пышное, насколько можно, торжество, такое, чтобы все о нем знали. Но созывать всю округу необязательно.

К концу второго дня Алаис составила примерную смету, ориентируясь на память герцогессы. Наверняка где-то запросила больше, но она и перестраховывалась. В конце концов, всегда можно скорчить изумленную моську и заявить: «Разве это стоит дешевле? Хорошо, я вам верю. Просто отец всегда работал только с лучшими поставщиками, вот и...» Вернуть избытки в бухгалтерию всегда можно, хоть по пять рублей на нос, а все людям приятно будет. А ты поди выколоти потом из начальства деньги на непредвиденные расходы, когда смету уже утвердили?

Задача для Геракла, не иначе.

Алаис на подвиги не рвалась, а потому попросила одну из девиц передать листки тьеру Таламиру и смиренно попросить его уделить время невесте.

Девуц она, кстати, все-таки выучила. Самая старшая – Марта. Потасканная рыжая, хабалистая толстуха. Но среди солдат спросом пользуется. Алаис она по какой-то причине (выбирайте любую – молодость, происхождение, девствен-

ность) невзлюбила и всячески старалась оскорбить, но получилось откровенно плохо.

Алаис не оскорблялась по причине аристократизма, ведь джентльмен не станет твякать в ответ на облаявшую его собаку, а Таня, слившаяся с личностью Алаис, на потуги Марты взирала даже с каким-то умилением. Тоже мне, оскорбления. Этот стон у нас песней зовется, ха!

Хуже было то, что поручать Марте любое дело означало гарантированно его завалить. А не поручать тоже нельзя. Ничего, извернемся.

Вторая по старшинству – Роза. Тоже рыжая – пользуется краска для волос спросом, ой пользуется, во все времена и во всех мирах. Чуть помоложе, с более-менее пристойной верхней частью, но фундаментальной нижней. При взгляде на Розу у Алаис создавалось впечатление, что туловище выше талии ей досталось от одного человека, а ниже – от другого. И было второе раза в два крупнее первого. Вопиющая диспропорция.

Безразличие досталось Розе, видимо, от обеих половинок. Корова на лугу по сравнению с этой особью показалась бы просто фейерверком эмоций. Алаис она воспринимала, в отличие от Марты, совершенно равнодушно. Так же равнодушно она и спала с мужчинами, и ела, и ходила по замку... то ли мешком по голове ударили, то ли при рождении уронили.

Третья – Лили. Нагловатая брюнетка цыганского вида. Черные волосы, карие глаза, смуглая кожа. Довольно краси-

вая, кстати. Но наглости...

Наглость была обусловлена тем, что Лили считалась шлюхой выше классом. Не для солдат, а для офицеров. Таламир, правда, не пользовался, и то дело. А то б Алаис его...

Да нет. Все равно консумировать брак пришлось бы. Но пенициллина-то в этом мире нет! А сифилис есть!

Ужас!

Четвертая Катишь, совсем молоденькая блондиночка с короткими ногами и крысиной мордочкой, на свою стезю пришла вполне осознанно. Дома тяжело, труд крестьянский вознаграждается не очень щедро, вот она и решила, как самая умная, выйти замуж за сына деревенского богача. А тот оказался парень не дурак, девушкой попользовался, да и рас-трубил на всю округу, что дорога открыта. Раз, другой, третий – и готово. Удовольствие – деньги – работа. Катишь и ушла с войском, когда оно мимо их деревни проходило.

Почтение к Алаис у нее еще проскальзывало, инстинктивно. Но...

Полагаться на эту команду можно было только в страшном сне. А выбора нет. А жить-то хочется...

* * *

Таламир пожаловал под вечер, без всякой спешки, хотя просьба была ему передана еще утром. Оно и понятно, нечего баб баловать. Сперва «не изволите ли», потом «пожалуй-

ста», а потом «к ноге, мальчик!». Знаем мы этих герцогесс...

Алаис пока еще вылеживала бока в кровати, листая книги и делая выписки. При виде жениха она отпустила всех и попробовала встать, сделать реверанс. Таламир остановил ее:

– Лежите, дорогая невеста, вы еще слабы.

– Да, монтьер.

– Итак, о чем вы хотели со мной поговорить?

– Монтьер, день нашей свадьбы приближается, а у меня не решено множество вопросов.

– И каких же?

– Роза передала вам листки?

Суда по лицу Таламира, он и не подозревал, что для свадьбы нужно СТОЛЬКО! Так что Алаис печально вздохнула.

Да-да, монтьер, и СТОЛЬКО, и полстолько и еще четверть столько. И это вы еще дешево отделаетесь.

– Что вы хотите от меня, Алаис? – смирился несчастный, понимая, что сейчас и здесь его не пытаются надурить. Слишком уж накладно для вранья получается.

– Монтьер, я прошу вас о помощи.

– У вас четыре фрейлины...

– О да. Но у них, к сожалению, очень мало опыта. Да и мне не приходилось раньше...

Алаис похлопала ресницами, Таламир понятиливо кивнул.

Опыта мало... Понятное дело, их опыт для организации праздников не особо подходит. Но лучшего не будет. Послать наглую соплюшку к Ириону в пасть можно, но ведь она

же искренне старается. И придаться не к чему.

Во всяком случае, пока.

– В чем должна состоять моя помощь?

– Монтьер, после вашего... э-э-э... обустройства в замке половина слуг разбежалась, а оставшиеся не будут меня слушаться. Поэтому я просила бы вас подтвердить перед слугами мой статус вашей невесты и дать мне определенные права.

Таламир заинтересованно вскинул брови.

– Права, Алаис?

Девушка сжала кулачки.

– Монтьер, моя семья погибла. Я уцелела. Так случилось, и за это стоит благодарить Ардена, но людям не объяснишь. Пока я больна, спрос с меня невелик. Стоит мне появиться перед подданными, как тут же начнутся разговоры, пересуды, сплетни, а то и провокации. Не могут не начаться. И в ваших же интересах, чтобы грязные языки не трепали лишнего.

– И вы хотите иметь возможность укорачивать их, не бегая за разрешением ко мне?

– Вы читаете мои мысли, монтьер.

Таламир усмехнулся.

– А что я буду иметь с этого, Алаис?

– Монтьер, мне нечего предложить вам. Моя жизнь и так в ваших руках.

Таламир так и замер с открытым ртом. Такой поворот ему

точно в голову не приходил. А правда – что тут предложишь?

Алаис смотрела невинными глазами. Таламир откашлялся и сделал вид, что так и было задумано.

– Я рад, Алаис, что вы это понимаете.

– Монтьер, меньше всего мне хотелось бы вызвать ваше недовольство...

Таламир тоже понимал. Так что через три часа Алаис стояла рядом с ним в большом зале.

Ну как стояла?

В платье ее матери, кое-как перешитом на живую нитку, с немытой головой и едва обтертая мокрым полотенцем от пота и грязи, с высоко поднятой головой.

В зал собрали слуг, и кое-кого она знала. Эти люди жили рядом с ней, сколько она себя помнила, видели маленькую Алаис, видели, как она росла, а теперь смотрели на нее, как на чудовище.

За что?

Таламир поднял руку – и все тут же замолчали.

– Вы все знаете герцогессу Карнавон. Это моя будущая жена, ваша герцогиня. Ее приказы так же обязательны к исполнению, как и мои. Любое неповиновение ее приказам я буду рассматривать как неповиновение мне...

Дальше Алаис уже не слушала. И так все ясно. Угрозы, потом еще угрозы, потом поощрения... дело житейское. Интересно, он так верит, что она ничего плохого не сделает?

Вряд ли.

Значит, за ней будет установлена слежка, и не только из этих четырех шлюх. И кто же?

Как неприятно чувствовать эти взгляды.

Презрительные, ненавидящие, откровенно злобные, брезгливые...

За что?

За то, что не умерла?

Но когда люди бывали справедливы к тем, кто им не нравился? Вот если бы Алита осталась в живых, ей бы сейчас сочувствовали. Сестру любили, она была красива и понятна всем. А Алаис – нет.

Ей предстоят тяжелые времена.

* * *

Алаис снова приснился Замок.

Что-то в нем было не так, что-то тревожило, раздражало, заставляло нервничать и грустить. Она облетела вокруг, попыталась заглянуть в окно...

Двое мужчин, оба пожилые, один этакий толстяк, второй – худой и высокий, Алаис тут же прозвала их для себя «Бегемот» и «Коровьев», что-то складывали в большой сундук. Женщина пригляделась, и опознала... полотнища?

Нет, не просто куски ткани.

Мелькнул плавник акулы, щупальца осьминога... знамена?

Да! Именно этого не хватало Замку! Он лишился своих знамен!

– ...надолго ли?

Начала фразы Алаис не слышала.

– До новой коронации.

– А будет ли она?

– Я верю, что будет, – «Бегемот» выглядел очень решительно.

– И кого можно короновать сейчас? Диона? – «Коровьев» определенно сомневался. «Бегемот» взмахнул рукой, словно отменяя глупую мысль.

– Замок над Морем не примет предателя.

– Дион королевской крови.

– Важна не только кровь, – отрезал «Бегемот», продолжая осторожно укладывать что-то в сундук.

– Но если он придет к власти, вы станете ему служить?

– Нет.

– Но...

– Эрион, я не стану осуждать тебя за любое принятое решение. – «Бегемот» захлопнул крышку сундука и решительно повернул замок. Не ключ, нет. Сам замок являлся хитрым приспособлением, позволяющим закрыть сундук намертво. – Но я твердо уверен, что при моей жизни коронации больше не будет.

– Монтьер?

– Я не увижу, как выются флаги на шпилях Замка над Мо-

рем. Я не увижу нового Короля. Я не доживу. Но то, что мы сделаем сейчас... поверь мне, потомки поблагодарят нас. Во имя будущего!

— Потомки...

— Помоги мне.

«Бегемот» что-то делает со стеной, и в ней открывается ниша. Мужчины тянут в нее сундук, прячут, закрывают, спустя десять минут и догадаться нельзя, чем они занимались. Толстяк утирает пот со лба, но выглядит очень решительно.

— Мой Эрт попросил меня, и я выполню приказ Короля. Замок над Морем не увидит предателя в своих стенах.

Картинка плывет, размывается, Алаис выбрасывает из видения. И последним становится Замок...

Как же грустно он выглядит без знамен на башнях...

* * *

Встать с кровати пришлось уже на следующий день. И тогда же случилась первая стычка.

Для охраны к ней приставили еще и четырех солдат, и Алаис впервые мысленно поблагодарила Таламира. Очень кстати оказались.

С утра она решила принять ванну, а потом попробовать пройтись по замку и провести ревизию кладовок. Хотя бы для начала. Там можно прикинуть, чего хватит, что заказать...

Катишь была отправлена на кухню, с требованием горячей воды, но...

Хорошо, что Алаис потрогала воду в ведрах. Горячая? Чуть теплая.

Мыться в такой означало получить пневмонию – дубль два. Сквозняки, знаете ли...

– Унести и догреть, – приказала сквозь зубы Алаис.

Слуги повиновались, чтобы вернуться через час с водой не теплее прежней.

Девушка стиснула зубы. Терпение лопнуло. Первый пошел...

– Кто дал эту воду?

– Так тетушка Моди, – пробормотал один из лакеев.

Тетушка Моди, кухарка... Алаис скрипнула зубами. И вот ведь что самое страшное, она... она это делает потому, что искренне любила брата Алаис. Мальчишку все обожали, а тетушка вечно оставляла для него вкусняшки, она и мать Алаис искренне любила, и теперь мстит девчонке за то, что та выжила.

Так-то...

Вот что тут сделаешь?

В любом случае надо начать, а там посмотрим по ситуации. У Алаис было уже несколько возможных вариантов действий.

Девушка посмотрела на одного из приданных ей сопровождающих:

– Вы можете привести ее сюда?

Солдат подтвердил кивком головы.

– Тогда как можно скорее.

Как можно скорее не удалось. Попробуйте привести семи-пудовую тушу, когда она сама не торопится, а бить по почкам команды не было.

Наконец тетушка встала перед Алаис. Посмотрела как плевком одарила.

– Чего угодно, тьерина?

Вроде бы и слова правильные, но тон!

Алаис прошлась взглядом по всей кухарке. От колонно-подобных ног до натруженных рук, от узла волос на затылке до красного лица.

Выгнать?

Несложно, ой как несложно. Но кто готовить-то будет? Эта и кухню знает, и при своем деле приставлена. Поди найди сейчас другую! Не солдатских же кашеваров звать?

Выпороть? Плодить пострадавших от нового режима? Ох, не стоит власти подобное делать, если она не хочет обнаружить себя в мусорном баке.

Алаис улыбнулась.

Мерзко, неприятно.

– Ты, тетушка, давно у нас служишь?

– Да уж, почитай, двадцать лет, тьерина.

Вот этого женщина не ожидала. Крика, скандала, да много чего. Но не такого тона и не такого вопроса. Следующим,

по ее мнению, должно было стать «коли хочешь остаться на своем месте...». Ан нет.

– Двадцать лет. Если я правильно помню, мой отец твоего мужа выгнал пару лет назад с конюшни за то, что он овес похуже заказывал, а деньги называл как за хороший. – Алаис прищурилась. – И мне кажется, что сына твоего я видела в зале? Тоже конюхом работает, верно?

Толстуха испуганно замерла. Алаис улыбалась так же мерзко.

– Мой отец просто выгнал, ну так он в своем праве был. А тьер Таламир только-только титул получил, ему утверждаться надо. Ты меня понимаешь?

Поняла.

Проняло.

Алаис ведь не сама по себе тут, за ее спиной будущий супруг. Добрый такой, ласковый, душевный человек! Челове-чище!

Герцог мог себе позволить побыть милосердным, помнила Алаис, как кухарка у него в ногах валялась, чуть ли не туфли целовала: «Кормилец! Поилец! Ирион попутал!!!» А на Таламира это не подействует. Ему поди объясни, что это не саботаж его приказаний, а просто неприязнь лично к Алаис Карнавон. Не поймет ведь!

Алаис наблюдала за сменой выражений на лице толстухи.

– Я не смогу сейчас никого защитить. Я сама полностью в его власти и умру по его желанию.

В глазах тетушки сочувствия особо не появилось, но Алаис на то и не рассчитывала. Это только начало. Но если она здесь задержится – ее и бояться, и уважать начнут. Если уж в городской администрации ценили, то здесь тем более по струнке ходить будут.

Добивать Алаис не стала. Пока.

– Я жду свою горячую воду. И надеюсь, долго мне ждать не придется.

Толстуху как ветром сдуло. Вымыться удалось уже через десять минут. Вода была горячей, мыло пенилось и мылилось, пахло розами и отлично промывало волосы, потом Алаис растерла по коже ароматическое масло и подумала, что в жизни есть и хорошие моменты. А бледно-голубое платье...

Ну что ж, переживем. Это на матери и сестре с их золотыми локонами и теплыми оттенками они смотрелись. А Алаис голубой цвет превращал в ходячую смерть, иначе и не скажешь.

– Тьерина, вы просто великолепны! – Катишь затянула шнуровку сзади на платье.

Алаис посмотрела в зеркало и поморщилась. Бледная мошь с косой и рядом с ней шлюха в дешевом платье. Надо бы обсудить это с супругом, да раздарить девицам часть материнских платьев, пусть хоть на людей похожи станут.

Обед она уже посетила в Большом зале. Таламир предсказуемо посадил за стол все свое отребье. Алаис поступи-

ла примерно так же. Сама устроилась напротив Таламира, а девицам приказала сесть слева и справа от себя. Правила здесь, кстати, были похожи на земные. Муж и жена друг напротив друга, а в остальном чередование «мужчина – женщина», более почтенные ближе к хозяину и хозяйке, остальные подальше...

Таламир оглядел это представление и одобрительно кивнул. Хотя сама Алаис его точно не радовала. Ничего, прорвемся.

После обеда Таламир подозвал герцогессу к себе.

– Дорогая невеста, вам может понадобится помощь управляющего.

– Управляющего? Он выжил?

Память Алаис хранила образ толстенького господина Сарна, вечно с какой-нибудь счетной книгой под мышкой, вечно бормочущего себе под нос какие-то цифры. Воровал он у герцога? Наверняка. Но придерживался того мнения, что воровать надо незаметно и с прибыльного дела, так что Карнавон процветал под его чутким руководством.

– Нет. Позвольте познакомить вас. Господин Кром.

Господин Кром у Алаис симпатии не вызвал. За версту видно – выжига, плут и подхалим. Из каких соображений Таламир поставил его управлять хозяйством – непонятно. Разве что этого и повесить не жалко. А если он Алаис подставит, жених тоже не в претензии будет. Подумаешь – невеста! Будет свое место знать, так-то.

Алаис протянула руку для поцелуя, надеясь, что выглядит достаточно герцогственно. Величественно выглядеть ей не удастся, не в этом платье и не после болезни, но жест должен быть привычным, словно дыхание.

– Надеюсь, господин Кром, что вы не подведете монтьера и будете служить ему верно и честно.

И уже читала ответ в глазах.

Честность? Это что еще за слово такое незнакомое? Господин Кром его первый раз в жизни слышал, однозначно.

Будет воровать. Сказать Таламиру?

Вот еще не хватало. Если спросит, тогда и скажем, а в остальном – Алаис пока его планов не знает. А инициатива наказуема. В любом мире.

Господин Кром еще рассыпался в уверениях, а Алаис уже улыбалась будущему супругу.

– Искренне надеюсь, что закупку продуктов господин Кром возьмет на себя? Я ведь не смогу выехать из замка, чтобы лично переговорить с поставщиками, отобрать что лучше и подешевле...

Таламир кивнул.

Не сможет. И предложение выглядело логичным. Противоречий в поступках Алаис он не усматривал. Жить девчонка хочет, вот и выслуживается. И в чем-то она ведь права: пока не родит одного, а лучше двоих-троих детей, она ему будет нужна. Это в их общих интересах.

Вот потом...

Да и потом она может быть нужна. На своем месте, но всяко пригодится.

Таламир был не глуп и отчетливо понимал, что есть вещи, которые мечом не возьмешь. Он может завоевать себе земли, но не родословную. Хотя реально стать великим предком собственного рода, но величию надо учиться! Да, и вот у этой мелкой пакости тоже! Именно Алаис сказала ему эти слова. Не испугалась, не стала скрывать своего мнения, а вот самому Анту подобное в голову не приходило.

Обидно?

Нет, обидно не было. Скорее он испытывал желание вытряхнуть из будущей супруги такие полезные знания и навыки, передать их своим детям, чтобы никто не смел задирать перед ними нос. По отцу они будут Таламир, по матери – Карнавон, а это не кот нагадил! Это родословная!

Задумавшись, Таламир даже и не заметил, что все ждут его решения. И только когда движение герцогессы – Алаис устала ждать и отвесила супругу полупоклон – привлекло его внимание, понял, что нужно отвечать.

Алаис же поняла, что будущий супруг ничего не слышал, и вежливо кашлянула.

– Монтьер, вы же согласны, что надо сначала определить, чем мы располагаем, а потом ехать за провизией?

– Да, тьерина, согласен.

– А кое-что можно начать уже сейчас? Сколотить столы для угощения, навесы на случай дождя...

– Вот и занимайтесь! – рыкнул Таламир, не желая признать, что для него это китайская грамота. – Кром, ты понял? Чтобы все сделать на высшем уровне!

Кром активно закивал головой.

Алаис пожелала, чтобы та отвалилась напрочь, но увы. Боги не слышали. Таламир посмотрел на невесту, да и вышел из зала.

Алаис хищно посмотрела на нового управляющего. Ну... погоди!

Кром поежился, но было уже поздно.

– Итак, господин Кром, возьмите хозяйственные книги, и предлагаю начать с винного погреба.

* * *

Алаис сбивалась с ног.

Ревизия кладовок, продукты, ледник, ткани, кожи, галантерея, зерно, вино... в этом мире замки могли жить на полном самообеспечении. Подсчет того, что нужно для праздника, что надо будет заказать, докупить, предоставление списков Таламиру, одобрение хозяином, заказы...

Тут Алаис и попробовали на прочность второй раз.

Так-то прислуга хоть и кривилась, хоть и шипела вслед, но при ней рты не раскрывали и приказания выполняли. Кухарка донесла до всех политику партии, и народ предпочел не связываться. Не стоит выражение своего презрения поро-

той задницы, ой не стоит.

Хотя так думали далеко не все.

– Это что?!

Алаис пнула ногой стол. Сооружение пискнуло и пошатнулось.

Требовалось сколотить несколько десятков столов для солдатского угощения. Вот плотники и работали, но кто-то явно схалтурил.

– Роза!

Орать на проститутку было что на тот стол.

– Кто делал этот стол?

Молчание.

Алаис обвела взглядом десяток плотников, столпившихся вокруг.

– Кто. Делал. Этот. Стол?

Опять молчание.

Круговая порука? Вам же хуже!

– Кто старший в артели?

Молчание, но взгляды скрестились на одном из плотников: здоровущем мужике лет тридцати.

Алаис перевела взгляд на солдата, который неотлучно следовал за ней.

– Взять его. И выпороть на конюшне.

Двое из четырех ее сопровождающих вмиг подскочили к мужику, завернули тому руки за спину, согнули так, что он шлепнулся перед Алаис на колени.

– Пятьдесят плетей, – равнодушно произнесла герцогесса.
– Помилуйте, госпожа!

О, немой заговорил? Понял, что не пустые угрозы. А пятьдесят плетей – это либо смерть, либо увечье, либо, если очень-очень-очень повезет, просто болезнь, но долгая, не менее полугода. Если нет заначки на черный день – все равно смерть.

Алаис прищурилась.

– Кто делал этот стол? Последний раз спрашиваю!

– Мирви и Фульк, – последовал кивок в сторону двоих плотников.

– Пять плетей за то, что не сказал сразу, и еще пять за то, что принял некачественную работу, – припечатала Алаис. – Этим двоим по двадцать пять плетей. Десять за испорченный стол, десять за то, что пытались мне соврать, пять за сговор. Цену испорченного дерева взыскать с них поровну. Переделать испорченный стол всей артелью, чтобы впредь думали, кому лгать. Пока не переделают – не кормить. Завтра с утра все проверю, – Алаис раздавала приказы ледяным тоном.

– Госпожа герцогесса!

О! Кто нарисовался! Господин управляющий, свеженазначенный. Алаис нарочито добродушно улыбнулась.

– Господин Кром, налицо саботаж свадьбы вашего тьера. Как вы думаете, с кого он за это спросит?

Подтекст просчитывался легко: «Я-то на свадьбе нужна

живая, здоровая и счастливая. А ты – нет. Мне еще детей рожать, так что у меня есть время, а ты не оправдаешь надежд господина – будешь скормлен акулам. Так вот».

Кром дураком не был. И вызверился на плотников так, что Алаис только головой покачала. Плетей стали неизбежны.

Что ж.

Сами напросились. В это время демократия не в почете, наоборот. За некачественную работу – получи плетей, за воровство – получи плетей (самым закоренелым могут и руку отрубить), за прелюбодеяние – да-да, тоже получи плетей. И нигде, нигде не говорится о правах личности на самоопределение и прочих приятных мелочах.

Конституцию написать, что ли?

Алаис привычно задавила ненужные мысли и сосредоточилась на главном. Подготовка к свадьбе.

Род Ольрат

Массимо опрокинул в себя дешевое пойло, хлопнул собутыльника по плечу и поднялся из-за стола.

– Поздно уже, пойду я...

И верно, ему было пора идти. Сегодня будет тяжелая ночь. Очень тяжелая.

Со времени того разговора с Шернатом прошло уже больше десяти дней. И за это время Массимо успел главное.

В образе старого пьяницы, который горюет по племянни-

це, он посещал те же кабаки, что и Роман. Благо молодой балбес рассказывал сестре, куда он ходил и с каким результатом.

Но прийти мало! К тому же, как только Роман напал на след, он прекратил откровенничать с сестрой, отговариваясь тем, что некоторые сведения опасны для жизни. Эх, лучше б наоборот! Сначала помалкивал, а потом поделился подозрениями.

Как, кто, с кем, когда, куда...

Мало прийти в кабак, надо еще понять, что именно заинтересовало Романа, но Массимо справился с этим. Удача улыбнулась ему в третьем по счету питейном заведении. Не сразу, нет, но Массимо умел сидеть и слушать, а судьба благоволит терпеливым и внимательным.

Что такого было в разговоре двух шлюх? Что царапнуло?

А то, что одна из них, поглядев на старого пьяницу, заметила вскользь: «Это дядя той девчонки. Ну, которую как тех двоих...»

Двоих сразу?

Продажных девок?

Массимо это и зацепило. Так что шлюху он пригласил к себе, честно использовал, заплатил ей, напоил и постарался разговорить. И ему удалось.

Девка проговорилась, что одна ее знакомая поставляет деревенских девушек хозяйке бордельчика. Есть такой промысел.

Мало ли девчонок бежит из деревни? В поисках лучшей доли, от нелюбимого жениха, просто от позора – да всякое бывает. Прибегают они в город и обнаруживают с ужасом, что никто их тут не ждал, что булки на деревьях не растут, что специалистов по мытью полов и в городе хватает, а без рекомендаций и с привычкой вытирать подолом сопли тебя даже на кухню не возьмут.

Увы...

Вот тут и находят растерянных провинциалок милые, добрые и отзывчивые тетушки. Например, тетушка Мадлот. Подходят, глядят по плечу, предлагают помощь...

Тем из провинциалок, кого не отпугивает судьба продажной девки, они и впрямь неплохо помогают. Остальные же...

А у Тисы, как звали шлюху, несколько дней не было денег даже снять комнату. Ее выгнали на улицу, и подруга разрешила оставить вещи у нее в комнате.

Да. А комнату она снимала как раз напротив тетушки Мадлот. А где обслуживать клиентов, если у тебя нет дома? Только в темных переулках.

Там-то девка и увидела, как тетушка Мадлот вела к себе деревенских девиц. А потом нашли их, как и Мариль. Живот распорот, изнасилованы...

Вот тут Массимо и понял, что он на верном пути.

Тетушка Мадлот, говорите? Поставляет живой товар?

Если она еще жива – отлично! Значит, Роман до нее добрался и принялся расспрашивать. А обманываться при-

стойной и благообразной внешностью подобных... самок человеку не стоит, вовсе не стоит. Они кого хочешь сожрут. Могла и свистнуть кому из подельников, наврать про Романа с три короба, мальчишку ножом и пырнули. И не успели ограбить.

Так что Массимо напоил девку еще сильнее и расспросил, где проживает эта тетушка Мадлот. А с утра похмелил и выводил.

Судя по стонам и хватанию за виски, ничего шлюха не вспомнит из прошедшего вечера. Да и не надо. Заплатил ей Массимо, кстати, втрое. Ему деньги понадобятся или нет – неизвестно, а вот девку жалко.

Сколько их таких – растоптанных городом?

И в тот же вечер Массимо отправился к жилью тетушки Мадлот.

Повезло ему почти сразу. Благообразная седенькая старушка невысокого роста, вся кругленькая, уютная, с редющей гулей седых волос, влекла к себе домой какую-то девицу, судя по диковатому взгляду и запыленному платью, очередную крестьянскую дурочку, и выпрашивала по дороге. Массимо даже перехватил обрывок разговора.

– ...примерное поведение. Ежели ты с кем в сене валялась уже, так ты скажи, там правила очень строгие, выгонят тебя из города плетьюми. А работа хорошая, где еще такую найдешь?

– Нет-нет! Я сюда-то пришла, как маменька померла...

Массимо верил, что девица еще ни с кем не погуляла. При взгляде на рябую конопатую мордашку сомнения улетучивались мгновенно – на такое и в деревне не всяк парень польстится, а судя по дешевому платишку и башмакам из дерева, там и денег нет, чтобы подсластить процесс.

Но зачем этой старой кошелке именно девственница? Для...

Выяснить это Массимо собирался сегодня ночью.

* * *

Шернат к известиям отнесся с бо-ольшим интересом и даже порывался пойти вместе с Массимо. Тот едва отговорил кожевника.

Нет уж. Рисковать, так поодиночке. Если Массимо и попадется, так Шернат знать будет, где рыть, чтобы за детей поквитаться.

Так что вечером Массимо поскребся в двери дома тетушки Мадлот.

– Кто там?

Открывать старая карга и рядом не спешила. Двери у нее тоже были не всяким бревном выбьешь.

– Старьевщик я. Не найдется чего на продажу?

Чтобы было убедительнее, Массимо посетил уже с пяток горожан по той же улице, где жила Мадлот. Даже купил кое-что.

За дверью подумали, но потом все же открыли. Видимо, старая мегера чувствовала себя в безопасности. А Массимо только и надо было внутрь попасть. А уж там...

Пяти минут не прошло, как дверь закрылась, а старуха уже была тщательно придушена до потери сознания, осчастливлена кляпом в глотку, связана и засунута среди плащей в прихожей. А Массимо отправился на разведку.

Помимо старухи в доме оказался один здоровущий парень, видимо, охрана, и та самая крестьянская девица.

Парня Массимо оглушил надежнее – тут он не боялся бить в полную силу. А то старуха! Сейчас нажмешь посильнее или стукнешь побольнее – и полетела душа к Ардену. А расспрашивать кого? Вот и пришлось осторожничать.

Парня же можно было и канделябром по голове отоварить, и увязать что ту колбасу – не подохнет, а если и отправится к Ириону, так переживем!

Девице повезло больше всего. Массимо со всей возможной деликатностью связал ее, стараясь не сильно передавить руки и ноги, и похлопал по щекам.

– Цела? Ну-ка, приходи в себя!

Возвращение в сознание неблагодарная нахалка попыталась ознаменовать диким визгом. Пришлось заткнуть ей рот и брызнуть в лицо водой. А потом похлопать по щекам (Массимо пытался сделать это осторожно, но получились все равно неслабые пощечины) и разъяснить:

– Ты, дурочка, думаешь, к хорошим людям угодила? Эта

старая... поставляет шлюх в бордели.

Услышала. Завращала глазами, пытаюсь что-то сказать. Массимо фыркнул.

– Я тебя сейчас снесу вниз, пристрою за занавеской. Только сиди тихо и слушай, о чем я буду ее спрашивать. Арденом клянусь, чем бы наш разговор ни закончился, я тебе вреда не причиню.

Кажется, девицу он не слишком убедил, но лучшего не предлагалось. Потом Массимо честно снес ее вниз, устроил в гостиной за диваном так, чтобы она не дергалась, и отправился за тетушкой Мадлот.

Старая крыса пришла в себя и напоминала именно что крысу. Не спасало ни круглое лицо, ни «добрые» морщины. И кто сказал, что пожилые люди обязательно порядочны и добры? Кто-то видел старую крысу? Наверняка! А порядочную крысу? Которой стыдно воровать зерно? Ах нет? То-то же.

Сейчас морда у старухи стала вовсе уж омерзительной, но для начала она попыталась ворковать. Получилось на редкость неубедительно – крысам этого не дано.

– Ты чего, парень? Я ж тебе в матери гожусь.

– На плаху ты куда как лучше годишься, – спокойно ответил Массимо, доставая нож. – Ну все, молись, гнида. Сейчас я из тебя ремней нарежу.

И не шутил, ни на секунду не шутил. И резал бы, и с удовольствием, стоит только про племяшку вспомнить! Старуха

это точно поняла, потому что забилась, задержалась в путах.

– Да чего тебе надо-то?!

– Знания, дорогуша. Только знания. Кому ты девок поставляешь?

– Я?! Да никогда...

Массимо не стал тратить время. Он просто заткнул старухе рот, подошел сзади, пощекотал ей шею ножом, а потом натянул седой пучок и одним движением срезал гулю чуть ли не под корень. И продемонстрировал бабке.

– Еще одна ложь – и с кожей срежу. Поняла?

И поняла, и испугалась уже по-настоящему. Сведения полились из мерзавки потоком.

Да, поставляет девиц в бордели. А что ж, коли они дуры? Грех не попользоваться.

За занавеской притихли в шоке, а старуха резала правду-матку. Одна девственница стоит два золотых, а если не девушка, то один золотой.

Жертвоприношения?

Нет-нет, с таким она не связывается! Никогда и ни за что!

Массимо опять не поверил. Старухе это стоило трех пальцев и угрозы заткнуть ей рот и заняться уже по-серьезному. И старая гадина раскололась окончательно.

Да, было и такое. Берут у нее иногда девственников благородные тьеры. Кто?

Не знает она.

В расход ушли еще два пальца.

Знает-знает. Тьер Жорес, это точно. Однажды по ее просьбе за мужчиной проследили до дома, оказалось, он.

Массимо припомнил, о ком идет речь, и нахмурился. Как же, знаем такого: семья хорошая, богатая, родители очень приличные... и такое?!

Странно. Но причин не верить не было. Под пыткой бабка таки сломалась и выдавала сведения потоком.

Да, у нее покупали девственниц, и платили дорого. И она подозревала для чего, но молчала. Кому ж охота раз двадцать случайно упасть на нож в глухом переулке?

Роман?

Да, приходил тут сопляк, выпрашивал чего не надо. Она и попросила племянника... да, это тот, который сегодня был у нее. Хороший мальчик, работает вышибалой в борделе.

Массимо пожал плечами, заткнул старой гадине рот и принялся за расспросы парня. Этот оказался намного хлипче бабушки и поплыл после первого пальца.

Да, бабка не соврала. Романа убил именно он. Не ограбил, потому как не успел. Догадывался ли он о тетушкином промысле?

Не просто догадывался, он тьера Римейна и навел.

Римейна? Вот тут Массимо принялся уточнять, и вышло так, что наводку парень дал одному тьеру, а к тетке пришел совсем другой. Значит, их несколько?

Отлично.

Будет за кем последить. И с кем посчитаться тоже. Внутри

у Массимо при воспоминании о племяншке и о Романе так болело, что одной смерти ему казалось совершенно недостаточно для отмщения.

А тетку и ее племянника Массимо приговорил не моргнув и глазом. Оглушил, увязал покрепче и задумался.

Потом сунул несколько поленьев в очаг, поправил занавеску так, чтобы пожар начался через пару минут после его ухода – и вышел через черный ход, захватив с собой ни в чем не повинную девчонку. Отправится к Шернатам, а там куда и пристроят. Хоть одной да повезло.

Массимо уносил с собой и нечто гораздо более ценное.

Два имени.

Тьер Жорес и тьер Римейн.

Он будет следить и за одним, и за вторым. И если кто-то из них замешан...

Массимо знал, что обагрит руки кровью. Но точно знал и то, что не пожалеет о своем решении. Месть бессмысленна? Месть разъедает душу? А что делать, если у человека не осталось ничего, кроме мести?

Арден простит, а Ирион побрезгует.

Арнэ.

Глава 5

Род Карнавон

Оставаться одной Алаис удавалось только в своей спальне – и то ненадолго. Постоянно врывались то служанки, то фрейлины, то являлся с докладом управляющий – больше всего девушке хотелось заколотить дверь гвоздями и никому не открывать. Но она продолжала делать хорошую мину при плохой игре.

Являлась к трапезе, наблюдала за приготовлениями к свадьбе, вежливо общалась с Таламиром, который явно наблюдал за невестой. Кажется, Алаис оказалась для него совершенно новой разновидностью человека – «аристократка начитанная». Раньше его рассматривали как красивое животное, ради потешить плоть, и относились соответственно. Кто же разговаривает с постельной игрушкой? И о чем с ней можно разговаривать?

Потом, когда у Таламира открылись воинские таланты, с ним тем более разговаривали только о войне. Или о постели.

С Алаис же он разговаривал об организации свадьбы, о поместье, о том, как воспитывали аристократов, – и получал вежливые (побудь тут невежливой) ответы. И определенно учился. Узнавал нечто новое...

Алаис тоже узнала кое-что новое о себе. И получилось это совершенно случайно.

Она купалась перед сном. Поскольку таскать и греть воду, а также чистить и мыть ванну предстояло не ей, она решила купаться, как привыкла – два раза в день.

Вечером она так же расслаблялась в горячей воде, когда со двора донеслось весьма немелодичное и громкое пение. Нажрался кто-то, вот душу и потянуло развернуться.

– Вы любите громко петь в душе? Ребята, кто любит громко петь в душе? – задумчиво спросила Алаис у гобелена.

Судя по звукам, которые донеслись со двора, петь, может, кто и любил, а вот слушать не очень.

– К счастью стремимся сквозь все испытанья... – промурлыкала Алаис. И – закашлялась.

О черт!

Раньше она петь не пыталась, как-то не до того было, а ведь Арден, в которого тут верят, подкинул ей реальную плюшку. У Алаис Карнавон оказался потрясающий голос. Глубокое, грудное контральто...

Класс!

В той жизни у нее было меццо-сопрано.

А диапазон?

Следующие несколько минут Алаис проделывала упражнения для связок, радуясь, что никого нет рядом. Вряд ли зрелище девчонки-альбиноса, которая лежит в здоровенной деревянной лоханке и старательно выпевает «ми», «ме»,

«ма», «мо», «му», добавило бы кому-то здоровья. Встать и петь во весь рост?

Можно. Но вылезать из воды не хотелось – слишком уж быстро она остывала, так что Алаис позволила себе маленькие вольности. Да и не на концерте...

Девушка набрала воздуха в грудь.

У каждого есть своя любимая песня. Некогда у Тани это было «Прекрасное далеко». Отличная песня, и диапазон широкий. Вот и попробуем распеться хоть как.

Когда песня закончилась, Алаис поняла, что одна ее проблема точно будет решена.

Имелось и здесь сословие, которое считали чужаковатым. Для них были обыденными разгильдяйство, бродяжничество, иногда и случайные связи, они стояли вне сословий и гильдий, на них никто не заявлял права...

Менестрели.

А еще их старались не задевать. Не в силу страха перед предками всемогущих СМИ и ток-шоу. Нет. Просто здесь менестрели считались слугами Мелионы. Дескать, однажды богиня устала после творения, присела на камушек и задумалась. И услышала песню. И так ей хорошо и душевно стало...

Пела девчонка, собирая ягоду, а когда допела, богиня решила явиться и отблагодарить смертную.

Явилась и спрашивает, мол, что тебе угодно получить в награду за пение, дитя мое? А девчонка, не будь дура, и от-

ветила – возможность петь для этого мира.

Рассмеялась богиня – и даровала ей талант сирены. Девчонка смогла голосом повелевать волнами, управлять ветрами, люди и животные ее слушали раскрыв рот...

Так родился первый менестрель.

Конец истории терялся в тумане. По одним легендам – девушка вышла замуж за короля. По вторым – ушла в Море. По третьим – стала бродить по дорогам. Умереть она ведь не может, ее богиня благословила...

Так что менестрелей старались не обижать.

Нет, панацеей это не было, плохого певца могли и гнилым овощем «угостить», могли и выпороть, могли смазливую певичку и использовать по назначению...

Могли. Но это было лучше, чем ничего. К тому же смазливой Алаис себя не назвала бы даже после литра водки.

Менестрель?

А ведь запас местных песен у нее есть. Здесь предпочитали нечто вроде баллад, а память Алаис послушно укладывала их внутри.

Позор и ущерб герцогской чести?! Да, внутри было такое неудобство, но Алаис предпочла махнуть на него рукой. Победителей не судят, побежденным все равно.

К тому же она-то с какой радости стала герцогиней? Ее не спрашивали, когда тащили...

Эх, как-то там родные без меня?..

Алаис усилием воли заткнула память подальше и сосре-

доточилась.

Итак, менестрель. И не надо о позоре. Есть певичка-однодневка, а есть Монтсеррат Кабалье. С первой на одном поле не сядут, а второй короли кланяются. Разница в классе.

Может ли она выдать класс? С ее-то музыкальной школой – запросто! Гитару бы... И ведь наверняка что-то такое есть в замке... кстати! Надо посмотреть на чердаке: там по традиции есть склад всякого барахла. Миры разные, а чердаки везде одинаковы. Посмотрим.

А уж сколько она всего знает... И классиков, и современных.

Стандартный набор девушки из хорошей семьи – музыкальная школа, танцы и рисование.

С последним не задалось, рисовать Таня не могла. Вообще. У нее даже прямая линия ощутимо давала кривизну на втором сантиметре.

Танцы? Идеальное чувство ритма и мелодии не мешало девочке оттапывать все, что находится рядом. Увы... Примерно на втором десятке оттоптаных ног девочка смирилась со своей горькой участью. Не выйдет из нее танцовщицы, не судьба. Максимум вальс на выпускном вечере в школе. И там она так на ногу партнеру наступила, что бедняга хромотал до утра.

А вот с музыкалкой задалось отлично. Таня хотела пианино, но родители уперлись и настояли на гитаре. Ну да, пианино дорого стоило и не пролезло бы в их квартирку. Так

что...

Дайте струны, руки вспомнят!

Таня попробовала пальцы на растяжку.

А ничего так... Но слишком нежные. Перчатки и медиатор – комплект-минимум, иначе без подушечек останешься. А вот без пропитания вряд ли. Гитаристы всегда были в цене в любой компании, а репертуар менялся, его требовалось обновлять...

Итого, от испанских гитар до «Мурки». От арии Квазиморды до «Мистера Х».

Алаис вздохнула. Ладно, одна проблема решена. Что кушать – найдем, заработаем, эксцентричность спишется на профессию, хоть тут такого слова и не знают.

А вот внешность...

Альбинос – редкость везде. Но если и в этом мире можно окраситься...

А в какой цвет? Чтобы кожа не выделялась диссонансом?

А ведь есть один вид белокожих, который не привлекает к себе внимания. Рыжики с веснушками. А почему нет? Хной стационарно окрашиваются волосы, брови, ресницы, ладно, последние и угольком можно. А на лицо ею же, родимой, нанесем веснушки.

Алаис точно могла сказать, что Роза красится хной, – осталось раздобыть ценную травку. Сложно, конечно, но невозможного нет. Хну и заказать можно, вроде она как обеззараживающее применялась... знать бы, как она тут на-

зывается. А ведь в библиотеке есть фолианты по растениям, Алаис это точно помнила. Растения не запоминала – герцогессе было неинтересно, а Таня-то биолог! Уж лавсонию-то отличить должна. Узнаем, как она здесь называется, и закажем. Вряд ли управляющий в курсе того, чем женщины красят волосы. Скажем для ткани. Или по лекарской части.

Будущее приобретало хоть какую-то определенность.

Есть профессия, есть планы на внешность, есть деньги (не до всех сокровищниц добрался Таламир), осталось главное. Определить, куда, когда и как бежать.

Но это после свадьбы. До свадьбы ее никуда из замка точно не выпустят, а вот если свадьба пройдет, а потом Алаис еще и беременной окажется, надзор ослабнет. Она же может подумать, что в тягости? Еще как может, ведь не повитуха! Никто не подумает, что у беременной женщины хватит дури куда-то бежать.

Или подумает?

Не будем недооценивать Таламира.

А в чем бежать, кстати? Алаис отчетливо представила себе, как она в своих роскошных шмотках, перешитых из маминых платьев, является в ближайшую деревню и просит продать ей костюмчик менестреля. А лучше сменять вещь на вещь.

М-дя.

Есть способы самоубийства и попроще. Но ведь есть и братья! У которых были детские штаны и рубахи! И где это

все?

Найдем! Память упорно посылала на чердак.

Значит, ищем музыкальный инструмент и приводим его в состояние должной обтерханности, ищем одежду и устриваем заначку, добываем хну.

И – изучаем карту мира. Бежать придется на другой материк, подальше от супруга, и бежать быстро. Ладно-ладно, главное – начать разрабатывать план побега, а дальше будет намного легче. Самая длинная дорога начинается с того, что ты собираешься в путь.

Страшно?

Алаис было очень страшно. За стенами замка лежал сложный, незнакомый и враждебный мир. Но в стенах замка был сложный, незнакомый и враждебный Таламир. И кто хуже – неясно. Если с миром у Алаис еще имелись шансы уцелеть, то Таламир сожрет ее, как только она будет бесполезна. А значит, выход только один.

Бежать.

И произнесенное второй раз про себя решение далось Алаис намного легче.

* * *

«Бежать» – замечательное слово. Но есть и припев: «Нас не догонят».

Вопрос – как бежать, куда бежать и что сделать, чтобы

припев стал реальностью, стоял особенно жестко.

Как бежать?

Ножками, понятно. А медленно. А холодно. А некомфортно. В бытность свою Таней Алаис несколько раз ходила в турпоходы и всегда радовалась завершению этого мероприятия. Вот брату нравилось, а она не видела никакого удовольствия в прогулках из точки «А» в точку «Б» с грузом за плечами и в грязных носках. Итак.

Климат. Море неподалеку, то есть ночью у Алаис есть все шансы не по-детски озябнуть и получить прекрасную простуду. От пневмонии она недавно оправилась, вторая не заставит себя долго ждать, и побег станет неактуальным. Потому как мертвые бегать не могут. То есть палатка, спальный мешок, пенка... где тут у нас ближайший магазинчик спорттоваров?

Нету?

Не завезли?

Ай-яй-яй.

Наломать лапника, развести костер, и вообще – другие же ночуют и не помирают?

Алаис это казалось весьма неубедительным доводом. Уметь надо. А если она, с ее ручками герцогессы, попытается наломать лапника... ага, очень смешно. Или костер развести. Плевое дело? Так только кажется. Здесь ни зажигалок, ни спичек еще не изобрели, а система «кремень-огниво-трут», с точки зрения Алаис, была просто убийственной.

Легче огонь трением добыть, хоть согреешься.

И поездов нет. И велосипедов. Лошади?

Можно, конечно, и на лошади. Если знаешь, как с ней управляться. А Алаис-то и не знала. Как любая благородная дама, она могла сесть на лошадь и принять красивую позу. Точка.

Теоретически она знала, как оседлать лошадь, чем кормить, как чистить и чесать. Теоретически. Практически за нее все делали конюхи. Алаис не любила даже на конюшне, увы. Так что время она проводила в библиотеке, а лошади остались для нее большими зверюгами. Да и...

Кто его знает, что там с верховой ездой?

Алаис никуда особо за пределы замка не выезжала, а по соплеобразности мышц Таня предполагала, что на длительную езду тело герцогессы не способно. Там же тоже навык нужен, а не просто так! В какой-то книге ей даже попадалось, что неумелый наездник может сбить спину лошади и покалечить себя. Ходи потом враскорячку.

В общем, как транспорт отпадал даже ишак. Не было их в конюшнях Карнавонов.

А как тогда бежать?

Лодка?

Хм-м...

Если попасть в течение и дрейфовать несколько дней вдоль берега, можно неплохо намотать километры между собой и Карнавоном. Осталась малость – где взять лодку?

К тому же течения надо знать. А если ее унесет в открытое море? Ох, что-то подсказывало Алаис, что лавры Алена Бомбара¹⁴ ей не светят. Загнется с жажды и голода.

Безвыходно?

Э, нет.

Даже если вас съели, у вас есть два общепринятых выхода. И третий – через аппендикс. Алаис решила все равно готовиться к побегу, чтобы в нужный момент просто взять сумку и скрыться в тумане, а не метаться взъерошенной курицей, причитая: «Ой! Трусея-то я и не положила!!!»

Но побег – это в будущем, а вот здесь и сейчас предстояло решать много других задач. Но лавсонию Алаис все равно заказала. А поскольку она была и обеззараживающим, и успокоительным, не придрался даже Таламир. Девушки же волнуются перед свадьбой?

Да!

Вот и не экономьте на седативных средствах!

* * *

Бежать – это хорошо.

А вот что делать до бегства?

Хотите ли вы стать мамой? Ах, вы не хотите стать ма-

¹⁴ Ален Бомбар – французский врач, пересек Атлантический океан примерно за два месяца, питаясь рыбой и планктоном. Пытался доказать, что выжить можно в любых условиях. Получил кучу болячек, но выжил ведь. (Прим. авт.)

мой... Проблема. А кто вас спрашивать будет? Алаис понимала, что у Таламира одна задача – обрюхатить ее как можно быстрее, получить пару-тройку чадушек – и привет. Прости, дорогая, черный цвет мне всегда был к лицу.

Были и плюсы. Бить точно не будет, калечить тоже, но... Это Алаис не подозревала, что можно сделать с женщиной в постели. А вот Таня знала, и знания эти ее не радовали. Хорошо хоть психологическая травма исключается. Это Алаис – девственница, хрупкая, нежная и трепетная, а юриста, который в администрации годы проработал, не всяким поленом перешибешь, он сам кого хочешь пришибет. Но кому ж нравится изнасилование? Даже если оно законное и супружеское?

Хотя притягателен, гад, этого у него не отнять.

Но... тут сошлись два фактора сразу. Память Алаис подсовывала картину пыток и гибели ее семьи, а разум Тани привычно фильтровал направленные в ее сторону взгляды и, кроме брезгливости и отвращения, ничего там не находил. Два в одном.

И зачем девушке из хорошей семьи такое счастье?

Эх-х-х... где вы, где, любимые романы! Вот там обязательно находился какой-то друг с противозачаточным зельем! Или с зельем, которое гарантировало насильнику верные «стрелки на полшестого». А тут?

Есть ли в деревне травница? Знахарка?

Беда в том, что народные методы предохранения стопро-

центной гарантии не давали, да еще и были достаточно заметны. А пить невесть что?

Может, туда жабыю шкуру истолкли или когти летучей мыши? Бэ-э-э-э...

Это дома на таблетках аннотацию читаешь, и то не всегда можешь разобраться, что туда понапихали и за каким чертом, а тут как? Принять на веру?

Да ладно, чтобы избежать беременности можно хоть настойку на гадючьих яйцах выпить, но как ее купить незаметно? Просто прийти в деревню, узнать, где травница, зайти к ней в сопровождении солдат и потребовать противозачаточное?

Тьфу!

У-у-у-у-у, хочу домой! К аптекам и симпатичненьким таблеточкам!

Алаис думала, что взвоят от постоянного контроля и что-то да выкинет. Но не пришлось. Помог случай.

* * *

Началось с того, что Лили подозрительно активизировалась, иначе и не скажешь. Стала более оживленной, принялась улыбаться по поводу и без повода и даже стала как-то активнее готовить свадьбу. Алаис отметила это, но выводов не сделала. А зря.

Потому что через пару дней Лили проявила инициативу.

И...

Алаис как раз переодевалась.

Чем отличаются платья аристократов от платьев простолюдинок? Ну, вторые одеваются сами. На длинную рубаху до пят надевается верхняя рубаха и длинная же юбка. По праздникам все одежды яркие, крашенные в разные цвета, по будням – серые и тусклые.

А вот аристократы...

На длинную рубаху, только из более дорогой ткани, надевается еще одна – часто с кружевом, вышивкой, а на нее уже надевается платье с вырезом, с разрезами, со шнуровкой сзади... На рубахах тоже могут быть предусмотрены вырезы. Одним словом, ноги показать неприлично, а грудь можно хоть на поднос вывалить, никто и не задумается. Где логика – непонятно. Но сама нацепить весь этот кошмар Алаис не могла и радовалась только, что до корсетов и кринолинов тут пока не дошли, просто шнуровками обходились.

Вот Лили и помогала ей в один прекрасный момент. Стража ждала за дверью – кто ж их пустит туда, где герцогесса переодевается? Пусть Таламир сам смотрит, сам и пугается.

Алаис смотрела в никуда, ожидая конца процесса утяжки, когда в ее руку скользнул крохотный клочок пергамента.

– Госпожа, вам просили передать.

Алаис молча кивнула. Сунула клочок за вырез платья и забыла о нем до конца дня.

Да, карманов тут еще не придумали. А вот в бюстгальтер

совать можно что хочешь.

И платья рассчитаны были на покойную мать, так что у Алаис они жалобно пузырились на двух прыщиках, хоть талмуд туда прячь, и шнуровка такая, что ничего не выпадет. Так что...

Вечером, оставшись одна в своей комнате, Алаис пробегала глазами строчки.

«Алаис, в память об Алите я готов спасти тебя от этого зверя. Та, кто передала письмо, поможет тебе во всем. Жду через два дня в роще у серого камня. Маркус».

Первой мыслью было – ну и кто из нас тут дурее?

Второй – подстава, проверка или?

Третьей – Маркус? Эфрон?

Сердце забилось быстро-быстро, видимо, что-то в душе Алаис еще любило этого типчика. Вот дура, а?

А делать-то что будем?

А что, есть варианты? Алаис подумала, и на следующее утро позвала к себе Лили – помогать с одеванием. Женщина послушно подавала рубашки, платья, смотрела вопросительно, но Алаис нарочно затянула паузу. И только видя, что Лили готова уже спросить сама, заговорила.

– Кто дал тебе записку?

– Тьер Эфрон.

– Маркус? – и трепета, трепета в голосе побольше!

– Да.

Интересно, она дура или Алаис считает такой дурой? Девушка отчетливо видела превосходство в глазах Лили.

– Как вы встретились?

Оказалось, что Лили отправилась в деревню, к знахарке, за противозачаточным. Там-то ее и подстерег слуга, который попросил прогуляться в лес, к его господину. И в качестве подтверждения серьезности намерений подарил бедной девушке золотую монету. Поскольку это был заработок честной проститутки едва ли не за месяц, Лили согласилась. И получила от тьера Маркуса инструкции.

Алаис сильно подозревала, что уговаривали даму древнейшим способом, а стимулировали еще десятком-другим монет, но уточнять не стала. Вместо этого она подробно расспрашивала, как был одет Маркус, где стоял, как смотрел, что говорил, при этом хлопала глазами, вздыхала и удачно умудрялась «не замечать» лакун в рассказе Лили.

Проститутка отвечала, поглядывая на Алаис со скрытым превосходством. Впрочем, не ей было тягаться с юристом. Слова – это было поле Алаис, и она себя на нем преотлично чувствовала.

Наконец герцогесса отпустила Лили, сообщив, что обязательно и даже непременно. И вообще – пусть женщина завтра зайдет, обсудим план побега.

И упала на кровать. Интересно, она что – производит впечатление такой непроходимой идиотки?

Видимо, да. Иначе ей бы такого предложения не сделали.

Если рассуждать логически...

Эфрон, Эфрон...

Тьер Маркус Эфрон, старший сын Димая Эфрона, графский наследник, красавец и умница. Обожаем всеми, включая слуг, нежно любим невестой, а также будущими тестем и тещей, идеальная пара для Алиты.

Спесивая тварь, походя разбившая сердце Алаис и даже не заметившая такой мелочи. Подумаешь, какая-то уродина!

Или заметившая?

Таня быстро перебрала воспоминания Алаис. Хм-м... вроде бы девчонка ничем себя не выдала. Или?..

Влюбленные соплюшки – народ особенный. Глаза блестят, уши алеют, голос сбивается, и вообще, отношение к предмету обожания у них весьма своеобразное. Мог и заметить.

И сделать выводы.

Но если так – тогда Маркус становился еще более отвратительным существом. Таламир – там все понятно, он изначально враг, от него ничего хорошего и ждать не приходилось. А этот? Жених сестры, понимающий, что малявка им серьезно увлеклась, и позволяющий себе подобные высказывания?

Может, конечно, он из благородства...

Понял, что Алаис тут ничего не светит, и решил не рубить собаке хвост по частям. Один удар, избавивший малыша от любви...

Могло быть такое?

Ой, что-то Алаис сомневалась с позиции своего жизненного опыта.

По всему выходило, что Маркус – не слишком порядочный... парень. Но это ладно, никому его порядочность и даром не сдалась. А вот зачем послание?..

Вариант первый – Маркус решительно собирается спасти Алаис. В память о своей любви. Спасти, вывезти к себе домой, а потом переправить еще куда-нибудь, куда душа герцогессы пожелает. Совершенно бескорыстно и благородно, как и подобает честным и верным рыцарям. Тогда надо к нему бежать.

Только вот не верится что-то в этот вариант. От слова «со- всем».

Вариант второй. Спасти-то Маркус ее собирается, но... дальше начинается проза жизни. Алаис – единственная наследница Карнавона. Ее супруг будет герцогом, ее сын будет герцогом, она – носительница крови, последняя в роду... Одним словом, не вышло с Алитой – так и ее сестра сойдет. Зажмурится храбрый рыцарь Маркус, представит себе в постели кого поприличнее и перетерпит. Результат?

Да тот же, что и у Таламира. Получение пары-тройки наследников с кровью Карнавона, бунт, попытки отвоевать обратно герцогство... Самой Алаис при этом оставаться в живых вовсе даже не обязательно, разве что на первых порах. Потом весьма желательна ее смерть от рук того же Талами-

ра или кого еще. И с воплями «Отомстим за герцогиню!!!» и «Законного наследника – на царство!!!», пардон – герцогство, толпа рванется разрушать баррикады.

А ведь может. Карнавоны на своей земле веками сидели, это вам не абы что, это кровь. Они надел получили еще от Морских Королей, они в него корнями вросли и землю своей кровью напитали. Вот, кстати, еще и суеверия. Алаис знала многое из книг.

Было и такое, что, кто займет место великого герцога без королевского дозволения, навлечет проклятие на свой род. Бывало всякое. Пытались герцогскую корону надеть на бастардов. Долго такие несчастные не жили, умирали от естественных причин. А тут все условия соблюдены. В будущем герцоге течет кровь Карнавонов, а что не вполне добровольно получена, не столь важно. Недоработки магического контракта или как там подобное обставлено.

Алаис чертыхнулась.

Возможно?

Да еще как!

Вариант третий, по Островскому. Так не доставайся же ты никому! И с этим воплем герцогессу прикапывают под деревом. А что – тащить ее в Эфрон далековато и сложновато, а так...

Таламир лишается жирного козыря, вспыхивают бунты, а в мутной воде рыбки много ловится.

Вариант четвертый – провокация Таламира. Запросто.

Итак, четыре основных. Есть и дополнительные, например, еще чья-то провокация, но это уже детали. А что ей-то делать?

Алаис покусала губы, в задумчивости прикусила слишком сильно, ощутила вкус крови и чертыхнулась еще раз.

Ах, как пленительна свобода! И как она манит, зовет и искушает поддаться! Принять все за чистую монету, понадеяться на удачу, решить, что Маркуса можно обвести вокруг пальца...

Алаис, возможно, так и поступила бы, надеясь даже своей смертью досадить Таламиру. Тане хотелось жить. Так что вариант действий был только один.

А не хочется...

А надо.

Таламир облюбовал для себя герцогскую спальню, получая от этого какое-то извращенное удовольствие. Алаис же занимала прежние покои.

Вот о системе потайных ходов Таламир не знал. Догадывался, но наверняка не знал. Герцогесса сейчас собиралась раскрыть ему секрет, о чем даже не сожалела.

Какой приличный замок обходится без потайных ходов? Тем более замок старый и родовой.

Побег? Для которого ход и может пригодиться?

Приличные побегі совершаются с комфортом и без суеты. А потайные ходы, куклы в кровати и записки кровью – такое детство!

Так что Алаис подошла к камину, прощупала кирпичи и надавила на нужный.

Система противовесов послушно сработала, заставляя часть стены уйти вверх, – и Алаис, как была в ночной рубашке, скользнула в потайной ход.

Вся семья герцога, даже и нелюбимое дитя, спала в одной башне. Винтовая лестница, комнаты – и потайной ход, ведущий из спален, по которому их можно было покинуть в любой момент. Это-то естественно, приготовить путь для отступления.

А вот и спальня герцога. И Таламир внутри.

Алаис заглянула в глазок. И правильно сделала. Таламир не спал и даже не занимался любовью. Вместо этого он читал какой-то документ и выглядел весьма недовольным. А меч-то лежит рядом.

Плохо...

Авось сразу не прирежет?

А чего она думает? Ходы-то предназначены еще и для подглядывания, и для подслушивания, так что...

– Монтьер, вы позволите?

Таламир подскочил как укушенный и завращал головой по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.